

ЗОЛОТАЯ ПЛАНЕТА

СЕРГЕЙ КУСКОВ
ПАСЫНОК
СУДЬБЫ

Наши там (Центрполиграф)

Сергей Кусков
Пасынок судьбы

«Центрполиграф»

2012

Кусков С. А.

Пасынок судьбы / С. А. Кусков — «Центрполиграф»,
2012 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-04006-0

XXV век. Венера, космическая империя, блистательная держава, корабли которой держат в страхе весь мир. Планета, где под слоем адской атмосферы процветают многолюдные города, а в недрах располагаются шахты и перерабатывающие заводы, «кормящие» истощённую Землю. Гниющее государство с полуфеодальной монархической формой правления, где всем заведуют сто аристократических семей и где правительница – всего лишь марионетка в их руках. И задача талантливого юноши – выжить и не сломаться в борьбе с Системой. А заодно найти себя, свой путь в жизни. Ведь ему неизвестно, что он – мод, генетически модифицированный человек, обладающий фантастическими способностями. Да ещё и кандидат в наследники престола – продукт отчаянного эксперимента загнанной кланами в угол королевы...

ISBN 978-5-227-04006-0

© Кусков С. А., 2012
© Центрполиграф, 2012

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	33
Глава 3	50
Глава 4	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Кусков

Пасынок судьбы

La fe

La consciència

El honor

Вера. Совесть. Честь

(Надпись на гербе Департамента безопасности)

Брату Дмитрию посвящается

ПРОЛОГ

Июль 2429 года, Венера, Альфа

«У-а!.. У-а!!!»...

Ребёнок плакал жалобно и трогательно, и плач этот напоминал кваканье крошечного лягушонка. Его вытащили в негостеприимный жестокий мир из мягкого и тёплого, защищённого от всех невзгод места, и он всячески выражал недовольство этим.

Королева, наблюдающая за операционной из-за непрозрачного стекла смотровой, умирлилась. По щекам прокатились две счастливые слезинки. Ну, вот и малыш. Её малыш. И пусть не она его родила, но она готова убить, порвать на куски любого, кто посмеет утверждать обратное! Впрочем, об этой аванюре знают всего три человека, и никто из хранителей секрета не позволит себе такой вольности.

Наконец-то подошли к концу её раздумья и треволнения. И, как оказалось, это всего лишь начало нового пути, новой жизни, в которой она уже не та хозяйка, вершащая судьбы всех и вся. Теперь её удел – дёргать за ниточки, двигая куклы в том или ином направлении, при этом оставаясь в тени. Но так надо. Таковы правила.

Женщина в операционной пришла в себя. Ей показали малыша, она улыбнулась. Королева почувствовала глубокий укол ревности и, чтобы не сорваться, быстро развернулась и зашагала в то крыло больницы, которое она очень кстати проинспектировала и где ждала её свита.

– Ваше величество! Время! – выскочил наперерез пресс-секретарь – молодой парнишка из небогатого и не слишком знатного рода, но очень уж старательный. Эта должность для него – подарок судьбы, большего ему в жизни не добиться. Осознавая это, он кровью и потом отработывал свой хлеб.

– Мы уже начали волноваться!.. Вы не забыли, пресс-конференция по поводу теракта в марсианском квартале? А всего через полтора часа приём нового китайского посла!..

Она прошествовала мимо, направляясь к комнатам, обозначенным на козырьке её визора как туалеты. Пресс-секретарь и охрана засеменили следом.

– Надо сделать заявление о том, что... – паренёк на ходу достал лист из папки и пробежал его глазами, – что власть берёт на себя...

– Не сейчас, Марко, – оборвала его она, останавливаясь возле двери. Два ангела тут же юркнули внутрь, всё внимательно осмотреть. Хотя весь этаж был заранее оцеплен и проверен, предосторожность никогда не помешает. – Займи прессу ещё на полчаса. Мне надо прийти в себя.

– Конечно, ваше величество. Как пожелаете... – быстро закивал юноша, делая шаг назад.

Лицо его выражало крайнее неодобрение. Он и так уже в течение часа вешал прессе лапшу. Они выбились из всех возможных протоколов с этой долбаной больницей, придётся отменить кое-какие запланированные ранее мероприятия, а такие вещи на уровне монархии расписываются на месяцы вперёд. Каждое из них невероятно важно, и разгрести это придётся ему, подставляясь под удар лоббистов, проталкивающих королеве те или иные вопросы.

Но ей было плевать. Для того она и держала Марко – отдуваться. А сейчас действительно нужно привести себя в порядок. Причём не столько внешне, сколько внутренне.

Войдя в туалетную комнату, она открыла кран, несколько раз плеснула воды в лицо, после чего уставилась на своё отражение.

Да, сдала она за последнее время, сильно сдала. Не фатально, конечно, пока сойдёт и так. Немного поправить грим да подвести глаза.

– Елена, визажиста сюда. Распорядись, – бросила она, не оборачиваясь, безмолвно стоящей позади начальнице охраны и давней подруге.

– Ты в порядке, Лей? – участливо спросила та, шагнув к ней.

– Да. Оставьте меня ненадолго.

По знаку Гарсия обе телохранительницы бесшумно скользнули в коридор. Сама Елена, неодобрительно и лаконично вздохнув, последовала за ними.

Всё, она осталась одна. На каких-то полчаса, но этого хватит...

...Сказочница. Она – сказочница. Так называла её мать в детстве за манию всё перевернуть и сочинять на пустом месте. Она могла рассказывать вполне взрослые законченные истории, мимоходом, на лету придумывая многочасовой сюжет, видоизменяя его и так же на ходу ваяя концовку, парадоксально стыкующуюся с началом. Или, наоборот, нелогичную, в жанре абсурда, вполне по-взрослому. Сложно было ожидать подобное от девочки четырёх лет.

Хотя есть в кого: её мать тоже была сказочницей, иначе не назвала бы дочку Лея. «Звёздные войны», древнее сказание народа гринго, – мать с детства была на них помешана. Джедаи, сияющие мечи, планетарные разрушители, истребители, корабли, летающие к звёздам... Человек в чёрном шлеме по имени Вейдер... Маленький смешной зелёный мастер Йода с длинными ушами, как у русского Чебурашки, только острыми... И конечно, извечная борьба добра со злом.

Эта детская сказка популярна до сих пор, переиздаётся регулярно, каждые лет десять – двадцать, и за века обросла не одним десятком томов достаточно вольного продолжения. Сейчас уже сложно сказать, какая именно история придумана легендарным детским писателем Люкассом, а какая появилась спустя столетие или два. Но это, по сути, ничего не меняет.

Принцесса Лея, которая перемещалась со своими друзьями по галактике в небольшом космическом корабле, была героиней той сказки. Принцесса-победительница, разящая зло ярким голубым мечом. Принцесса-героиня.

Сказка.

Её жизнь, по аналогии с прототипом, тоже была похожа на сказку. Маленькая принцесска, защитница бедных, слабых и угнетённых, заступница перед сильными мира сего. Сколько дел она тогда наворотила?! Мир обожал и почитал её по делам её без всяких пиар-технологий. Даже непримиримые ортодоксы из среды вечных противников Венеры признавали её заслуги.

Люди любили её, любили искренне. Так искренне, что после памятного покушения в Дельтаполисе, пока она лежала в госпитале без сознания, весь мир носил цветы к венерианским посольствам и консульствам, зажигая свечи и не давая им гаснуть, символизируя

таким образом её борьбу со смертью. Маленькая добрая принцесса, надежда целой планеты на счастливое будущее...

Надежда разбилась сразу после смерти матери, последовавшей за коронацией. Реальный мир оказался неподъёмен для маленькой сказочницы. Слишком жестоким для «доброй принцессы», чтобы справиться с ним, поскольку правят им не чувства и чудеса, а голая убийственная целесообразность. И главный постулат выживания государства звучит так: «Хочешь жить – дави. Дави всех! А для этого выжми из имеющихся ресурсов все соки! И плевать на тех, кто думает не так, как ты».

Как оказалось, кровь – это тоже ресурс, наряду с финансами, армией, флотом, СМИ или законами. Кровь гвардейцев и солдат, каждый день умирающих при исполнении долга, не всегда честного и праведного, но всегда необходимого. Кровь тех, кто попал в жернова политической машины и выбрал «не ту» сторону. Неплохих людей, иногда очень даже симпатичных в личном плане, способных и умных, но чья жизнь несовместима с существованием государства. Жизнь бесправных рабочих, вынужденных горбатиться ради процветания родины, не живя даже, а выживая, борясь за кусок синтетического хлеба, поток регенерированной воды и плохо очищенного кислорода. Жизнь людей из криминальных трущоб на окраинах, ежедневно и еженощно ведущих борьбу только за то, чтобы добраться домой целыми и невредимыми. Всех не перечислить.

Власть – это большая кровь. И ложь, чтобы эту кровь оправдать.

Она сдалась, пала под наплывом оной, утонула в этой страшной красной реке...

...Но не ушла на дно. Не опустила руки. Потому что она – королева, а быть королевой, даже реальной, – это тоже сказка. И пусть она не может ничего изменить сейчас, как сильная правительница сильного государства, она ещё поведает миру свою ПОСЛЕДНЮЮ сказку. Ведь то, что она сделала, ничем иным назвать нельзя.

Сказка. Чудо. Ни один здравомыслящий человек до такого не додумается. Ведь правитель должен быть прагматиком, от него ждут прагматичных решений, а не чудес...

...И она дала миру такого прагматика. Воплощённую сказку, при этом совершенно реальную. И пусть жестокий и кровавый мир начинает молиться!

Сентябрь 2428 года, Венера, Альфа

Следователь отсутствовал более четверти часа. Сидящая в наручниках перед его столом молодая женщина с безучастным лицом смотрела перед собой, полностью погружённая в свои мысли. Она не производила впечатления матерой уголовницы, хотя на допросе вела себя соответствующе – нагло, развязно, дерзко. Смеялась следователю в лицо, хамила, язвила. А сейчас, оставшись в одиночестве, отключилась, уйдя в себя.

Конечно, она знает, что все её потуги бесполезны. Законы жестоки, но им надо следовать. Что бы она ни делала, что бы ни говорила, её будущее на ближайшие пять лет обрисовано чётко и недвусмысленно определённо. Так зачем трястись, лебезить, бояться?

Она никогда никого не боялась, не собирается этого делать и теперь. И шла бы вся гвардия, в лице следователя и громил-надзирателей, далеко-далеко!..

Именно это прочёл в её лице высокий светловолосый мужчина с длинными, ниже плеч, волосами, вот уже пятнадцать минут задумчиво наблюдавший за подследственной с портативного визора. Референт, копающийся в изображениях файлов следственного управления, наконец воскликнул:

– Да подходит, сеньор граф! По всем параметрам.

– Наконец. Долго ты... – недовольно фыркнул тот, кого называли графом.

– Так база данных-то чужая. Они тут сами себе ноги переломают, где уж мне быстро нужное отыскать!

Взглянув на изображение вслед за шефом, он с неким ехидством в голосе спросил:

– Не смущает ли вас, ваша светлость, её... немного экзотическое прошлое?

– Первый срок? – Его светлость хмыкнул. – Мне кажется, именно такая нам и нужна. Сильная. Решительная. Пробивная. И чтобы было за что зацепить. Чтобы боялась, что мы передумаем. Стелилась перед нами, но шла по жизни напролом. За нашими спинами...

– Ты посмотри на её глаза, – кивнул он на визор¹. – Это глаза хищницы, львицы. Пусть сейчас ей плохо и на многое наплевать, но она не сдаётся, не опускает руки. И того, что у неё осталось, никому ни за что не отнять.

– Львицы не занимаются незаконной проституцией в самом центре Красного квартала, сеньор. Это прерогатива забитых европейцев, нищих американок или нелегалов с Востока. Тем нечего терять, максимум, что им грозит, – депортация. А она – чистокровная венерианка, хотя и из русского сектора².

– Ничего ты не понимаешь в людях! – подвёл итог граф, после чего поднёс к губам браслет. – Сеньор комиссар, проводите к задержанной.

Женщина подняла глаза. Вслед за охраной в допросную вошёл высокий длинноволосый человек в строгом лощёном костюме, уверенный в себе, и невысокий человечек с «заезженным» лицом, с виртуальной папкой-планшеткой в руках. Это ещё кто?

О втором можно было сказать с уверенностью – личный секретарь. Слишком уж рабочее, сосредоточенное выражение лица. К тому же неброская внешность, соответствующая статусу. Однако первый выделялся. Как внешностью, так манерой держаться: ни дать ни взять – князь Вселенной, а всё вокруг в лучшем случае подданные. Блескучий, хорошо скроенный дорогой костюм, неброский, но и не символизирующий что-то вроде: «Смотрите, мой хозяин – аристократ в энном поколении! Он купит всех, если захочет!» Ей на подобный и за целый год не заработать, даже если её возьмут на полную ставку в «Рай» или «Остров Малибу». Что уж говорить о Красном квартале?

Секретарь сел на кушетку позади неё, надвинул на левый глаз козырёк визора, завихрил планшетку и активировал функцию перчатки³, после чего принялся просматривать изображения каких-то документов. Высокий же уселся перед ней на стол, закинул ногу на ногу и забарабанил пальцами по колену. Во взгляде его читалась насмешка, превосходство, издевка. А ещё... Какое-то уважение, что ли?

Да, уважение. Сильного к другому сильному, хотя и более слабому. Несмотря на аристократизм, он не презирал её, в отличие от большинства представителей высшего сословия. Это радовало, утешало, правда не особенно. В любом случае добрым этот взгляд назвать было нельзя. Если она не подойдёт ему для своих планов (иначе для чего ему, аристократу, приходиться в тюрьму к уличной проститутке, как не с предложением сотрудничества?), он

¹ Визор – голографический экран. Нематериален, состоит из вихревого голографического поля, что крайне удобно в использовании, потому распространён повсеместно.

² Русский сектор – сектор планеты, колонизированный в своё время Россией, а также приравненные к нему юридически более мелкие секторы остальных космических держав, которые Венера оккупировала в течение первых десятилетий после обретения независимости. Этнически население в основном принадлежит к иной, европейской культуре и в общении использует чуждый латинос русский язык, однако власти активно занимаются ассимиляцией, прививанием населению латинских ценностей. Русский сектор считается беспокойным, там расквартировано большое количество войск и лояльных власти подразделений гвардии, но в целом Корона больше использует метод «пряника», стараясь не давить на аборигенов, не ущемлять их национальное и религиозное достоинство. Численно население, вместе с иными секторами, составляет до тридцати миллионов человек, почти треть всего населения планеты, потому власть и не спешит с силовым решением вопроса. Но, несмотря на объявленное юридическое равноправие и другие уступки, в латинских секторах выходцы из оккупированных территорий равными не считаются, отношение к ним снисходительно-презрительное, их активное продвижение по карьерной лестнице в государственных структурах блокируется.

³ Перчатка – режим управления виртуальным пространством. В старину для этого использовали специальные перчатки, усеянные сенсорами, реагирующие на малейшее движение руки пользователя. В описываемое время это анахронизм, технологии середины двадцать пятого века могут использовать в качестве указателя непосредственно руку, без всяких сенсоров, однако название «перчатка» для режима осталось.

легко утопит её в дерьме. Закон ведь писан только для плебеев: таких, как этот франт, мир не пугает. Они могут сровнять с землёй, а могут и вытащить из самой большой передраги, наплевав на всё тот же пресловутый закон. Интересно, что он хочет предложить? Об этом лучше даже не думать!

Помолчав ещё минуты две и не добившись от женщины никакой реакции, светловолосый прекратил барабанить пальцами и усмехнулся:

– Стефания Шимановская, 2403 года рождения, Новая Самара, русский сектор. Окончила базовый уровень подготовки, средняя школа номер сто восемнадцать, Любинский район сектора, посёлок Рудный, где и проживала до семнадцати лет с родителями. Иного образования нет.

Первый привод за незаконную проституцию 4 июля 2420 года там же, Рудный. Итог: предупреждение и административный штраф. Впервые оступившихся законы её величества щадят... – прокомментировал он, понизив голос.

Женщина продолжала сидеть с отрешённым видом, но последние слова её явно зацепили.

– Далее, не вняв намёку, второй привод. В ноябре, всего через полгода, но уже в Самаре. – Он сделал паузу, подавляя её молчанием.

Стефания непроизвольно втянула голову в плечи.

– Вина не доказана за отсутствием состава преступления. И тут же третий привод, ещё через девять месяцев. Сопrotивление при задержании, грубость с сотрудниками гвардии...

Его глаза смеялись. Так всё и было. Женщина заметно ссутулилась. Лощёный франт бил метко, прицельно и в совершенстве знал её биографию.

– Полгода условно. Вновь невероятно щадящее наказание. Не правда ли, Стефания? – Мужчина вяло рассмеялся. – Не знаю, чего тебе это стоило. У вас там, в русской зоне, чёрт ногу сломит от коррупции, но приговор суда есть приговор суда. Итак, продолжим...

Он делано-сосредоточенно вздохнул.

– ...Полностью исчерпав себя и потратив все сбережения в Самаре, перебралась в Санта-Розу. Здесь тоже не повезло: в течение месяца два залёта. Ты что, местному авторитету не отстёгивала, с чего тебя так шуганули? Или нужным людям не дала? Два раза за месяц! Вроде на полную дуру не похожа, Стефания? А?

Женщина скривилась, невозмутимый минуту назад вид растаял, как снег. Нет, перед ним сидела не матёрая уголовница, а неопытная провинциальная дурочка, запутавшаяся в собственных поступках.

– Скорее подстава, – озвучил высокий мысль вслух. – Поскольку дело было закрыто за отсутствием, как и в Самаре, могу лишь предположить, что гвардейцы пожалели бедную девочку, вышвырнутую жизнью на помойку, уже имеющую весь необходимый багаж до следующего залета лет на пять...

...И наконец, Альфа. Столица. Очередная провинциальная шлюха, приехавшая покорять вершины.

Мужчина иронично оскалился, а затем подался вперёд и заорал ей в лицо:

– Ты что, родная, совсем охренела? Красный квартал! Рай для шизофреников-извращенцев со всей Солнечной системы! Стефания, как можно так низко пасть?! Не могла найти что-нибудь поприличнее?! Да в Альфе каждая вторая подрабатывает твоим ремеслом! Здесь Мекка для озабоченных со всей Земли! Сколько мест? Сколько улиц? Районов, кварталов? А ты опустила до притона! Бомжатника! Самой-то не стыдно?

– В других местах платить надо за место! – огрызнулась наконец Стефания, выпалив ответ прямо в лицо франту. – Сразу и много! А Барон согласился на поруки взять, в рассрочку! Чтобы вернула, когда заработаю!

Мужчина, не ожидавший подобной реакции, отшатнулся.

– Да если б у меня были эти сраные двести империалов, разве я пошла бы к этой узкоглазой сволочи? Вы тут в столице совсем охренели! Слишком много своим ребяткам позволяете за место брать! Только на бумаге «профессия, защищаемая законом, основа туристического бизнеса...»! А на деле как драли нас братки, так и дерут! Только с гвардией делятся! Свободная профессия, тьфу, мать вашу! – Она, не стесняясь, плюнула на пол.

– Чего ж ты другой-то профессии не обучилась? – ядовито хмыкнул мужчина. – Работала бы сейчас кем-нибудь посолднее, замуж вышла?

– «Посолднее»? Это что, продавщицей в супермаркете? А, поняла! Оператором шахтных установок! Зашибись профессия!

Мужчина пожал плечами. Сам он в юности работал простым бухгалтером и не разделял подобный взгляд на специализацию.

– Только у нас в Рудном работать негде больше! С теми сраными баллами, которые даёт ваша сраная школа, даже в самый сраный вуз Самары не поступить! А о грантах и мечтать не приходится!

– Так ты, значит, выживала, как могла. М-да, бедная девочка! Как жаль, весь мир против неё... – Голос мужчины просто источал ехидство. – А вполне официально приехать, купить лицензию, отстёгивать налог – этого, значит, ваша школа дать не может? Наверное, в ней не говорят о венерианских законах, о том, что делать можно, что нельзя и что можно, когда нельзя? Ах, какая плохая школа! Надо сказать министру образования, пусть туда инспекцию пошлёт, а то мы тут не знаем, что в провинциях творится.

– Слышь, начальник, хорош комедию ломать! Говори, зачем пришёл, или проваливай. Я ж вижу, что не из гвардии! Чего припёрся? Мораль читать или лекцию по юриспруденции?

Дозрела. Длинноволосый мысленно потирал руки.

– А зачем мне говорить? Я, может, хочу тебе предложить со дна выбраться, а ты сама этого не желаешь? Я тебя из тюрьмы вытащу, а ты по старой дорожке пойдёшь? – Он усмехнулся. – Пойдёшь или не пойдёшь, Стефания?

Женщина положила лицо в ладони и вдруг заплакала.

– Видала я твою... свободу знаешь где! И твою... лицензию! И всех... вас!

– Вот-вот, именно это я и хотел услышать. Полное психологическое неприятие, равнодушие к себе и судьбе. Тебе просто наплевать, что будет дальше, да? Ты согласна жить и в тюрьме, потому что жизнь вне её свободой не считаешь!

– Пошёл ты!

Человек встал со стола и бодро зашагал по комнате.

– Знаешь, я бы на твоём месте просто спился. Да-да, именно спился! Всего-то за пару лет, – заговорил он с сочувствием в голосе. Женщина недоумённо подняла глаза. Уж сочувствия она никак не ожидала. – Ты же живёшь дальше. Пусть не в ладах с законом, на который тебе плевать, но не опустилась до уровня овоща, когда утешение можно найти только в водке.

Водке? Он – русский? Шальная мысль уцепилась за фразу. Местные, даже местные русские, водку почти не употребляют, предпочитая более слабые напитки. Она присмотрелась внимательнее. Да, и черты лица, и лёгкий НАСТОЯЩИЙ русский акцент (в отличие от акцента венерианской русской зоны) говорили, что он – представитель далёкой родины её предков. То есть не потомственный венерианский аристократ, как она посчитала вначале, а богатый иностранец. Но с ОЧЕНЬ хорошим испанским выговором!

Стоп, кажется, она где-то видела лицо. Где? В СМИ? Но где именно? Эх, жаль, она не интересуется политикой и не смотрит новости. Это что-то слишком знакомое, она должна вспомнить его...

Но память подводила. Мужчина меж тем продолжал.

– После такой аварии, случись подобное со мной, я бы не смог жить дальше, – без тени насмешки развивал тему высокий. – Так что я горжусь тобой, моя девочка! Горжусь, что ты

ещё держишься. – Он подошёл, снова сел на стол и взял в руки её ладонь. Она смотрела на всё это обалдевшими глазами, шизея от резкой перемены. – И только поэтому я предложу тебе то, что хочу предложить.

– Что?.. – выскочило у неё. Недоумённо и... Жалко.

– Операцию. И ребёнка. Это будет не твой ребёнок, но ты сможешь его выносить, родить и нормально воспитывать.

– Мне не нужны чужие дети, понятно?! – закричала она. – Я не хочу быть суррогатной! – Она выдернула руку, оттолкнула мужчину и отскочила в сторону. Глаза её застилали слезы. – Я хочу стать нормальной, настоящей!

– Я не бог, вернуть то, что ты потеряла при аварии, не в моих силах, – спокойно и бесстрастно чеканил мужчина. – И я не благотворительный фонд, чтобы спонсировать сложнейшую генетическую операцию вместо него. Извини. – Он развёл руками. – Конечно, ты можешь накопить денег и сама сделать её за свой счёт, благо нет в мире ничего невозможного. И родить нормального ребёнка, своего, кровь от крови, плоть от плоти... Когда выйдешь на свободу, конечно!

Стефания разрыдалась в голос. Да, он знал, куда бить, этот лощёный русский! И досконально знал её биографию даже лучше её самой.

Авария. Он знает про неё АБСОЛЮТНО всё. И ей нечего возразить, чёрт возьми!

Она и правда пошла в этот прибыльный, но нелегальный бизнес только потому, что хотела быстро заработать на операцию. Потому что в мире, конечно, всё и возможно, но стоят подобные услуги невероятно дорого. Не по карману дочери погибшего шахтера из Горного. А работая легально, больше половины приходится отдавать «дядям» – налоговой, профконтролирующей и медицинской службам, гвардейцам и, конечно, крыше. С лицензией она бы заработала нужную сумму лишь годам эдак к пятидесяти.

Потом была неудача в Самаре. Да, она откупилась, потратив всё, что успела накопить, всё те жалкие центаво. Получила всего лишь предупреждение. Последнее. После чего, попадись она ещё раз, сразу впаяют срок без разговоров.

Тогда она решила попытать счастья на «имперской» территории, в Санта-Розе. Тамашние расценки выгодно отличались от «беспредельной» Самары, а уровень контроля над криминалом оказался существенно выше. Коренная нация, что с неё возьмёшь!

Но там её действительно кинули. Свои, крыша.

Она перебралась в Аврору. Но в бывших имперских владениях девочки зарабатывают хотя и больше, но и откупиться от гвардии, попадись она снова, практически невозможно. Пришлось сворачиваться и там.

И вот столица. Да, провинциальная дура. Да, просто дура. Но расценки здесь, в битком набитом туристами сердце планеты Любви, на порядок выше той же Санта-Розы и вообще несравнимы с забытой всеми богами Самарой. Она решила поставить ва-банк, была не была – или окажется в дамках, или её смоем в сортире этой гребаной жизни.

Почему, ну почему те же китайки или европейки, проработав здесь год, спокойно уезжают домой, увозя с собой столько денег, что с земными ценами можно всю оставшуюся жизнь не работать? И им, и семьям, ради которых они в основном приезжают, эти земные цветочки? И всё у них получается? А она, неудачница, облажалась сразу, на второй день? Первая же облава оказалась её? Ну почему ей так не везёт в этой жизни?

– Думай, Стефания, думай, – давил светловолосый. Он не настаивал, не убеждал. Он просто требовал ответа.

Не согласна? Что ж, до свидания! Найдёт другую. – Я могу дать тебе Шанс. Дать тебе ребёнка. Ничего не потребовав взамен. Даже буду помогать, ведь ребёнок – это слишком большая ответственность и слишком большие затраты для дочери шахтера без специальности и опыта нормальной работы.

– А потом заберёте? Когда подрастёт? – шмыгнула она, пытаясь снова не расплакаться. Всё, она в его власти, и сама это поняла.

– Нет. Это будет твой сын, и только твой.

– Сын?

– Да. Мальчик. Ты будешь воспитывать его так, как посчитаешь нужным, говорить то, что посчитаешь нужным. Может, он и не будет похож на тебя, но это шанс, согласишься?

Женщина кивнула.

– Что от меня требуется?

– Во-первых, никакой... прежней работы. Официально или неофициально, даже просто подработок. Я знаю, в местном обществе поход «налево» за хорошую оплату сильно не осуждается. Дикая страна, дикие нравы! Но не мне судить. Это – главное условие.

– Я согласна! – торопливо пискнула женщина, будто опасаясь, что он передумает.

– Далее, воспитывать ребёнка одной очень накладно, даже с господдержкой... – спокойно и размеренно продолжал мужчина. – Потому тебе будут помогать материально. В достаточной мере, чтобы вы не скатились к нищете, но в недостаточной, чтобы на них можно было вести иждивенческое существование. – Он вперил в женщину жёсткий, колющий, пронизывающий взгляд. – Так что работать тебе всё же придётся. И крутиться. Выживать.

Та кивнула:

– Понимаю.

– Естественно, никаких вредных привычек, пристрастий и тому подобного. Никаких пьяных хахалей среди ночи, дебошей... Ты поняла, о чём я?

Снова кивок.

– Занимайся им так, чтобы он не чувствовал ненужности или бесполезности. Одари заботой и любовью. Он для тебя – всё.

Я прикрываю тебя и плачу за то, чтобы ты была хорошей матерью. Выростила достойного человека. Больше, в принципе, ничего. Но если вдруг не будешь с этой работой справляться... Сама понимаешь, я могу быть и жестоким!

Она снова кивнула.

– И последнее: он ничего не должен знать о нашем соглашении. Для него ты – мать. Ты, и только ты. Всё ясно?

– Спасибо... – У Стефании отлегло от сердца. О таком подарке судьбы она не могла и мечтать. Действительно, что значат эти чёртовы гены, да ещё реплицированные искусственно, по сравнению со всем остальным, предложенным этим человеком?

– Рад, что мы пришли к взаимопониманию! – Он кивнул жестом эдакого повелителя мира. Женщина съёжилась. – Жан, занимайся документами. Как всё оформишь, доложи.

Затем, не слушая ответа секретаря, развернулся и быстро вышел из кабинета. Наверное, у него ещё много дел. У таких людей всегда много дел. Лишь на пороге обернулся и бегло бросил:

– Да, Стефания, и никаких польских или русских имен. Это тоже условие.

...Когда её, не помнящую себя от счастья и пытающуюся в полной мере осознать, что же с ней только что произошло, охрана вела назад в камеру, она вдруг вспомнила, где видела этого русского. От неожиданности Стефания даже споткнулась, за что получила тычок и нервный окрик гвардейца:

– Ну, ты, аккуратнее там, стерва!

Но было не до охраны. Господин Козлов. Граф Сергей Козлов, финансовый гений и автор современного венерианского экономического чуда, благодаря которому их страна который год на подъёме. Бывший муж и фаворит её величества королевы, отец обеих её

детей. Эта сучка просто обожает ядрёный перепих, об этом знает вся планета. Однако рожает только от него.

Мудрая сучка!

То есть перед нею только что сидел некоронованный властитель всея Венеры. Государства, раскинувшегося на более чем трёх планетах. Человек, реально заправляющий всем, трахающий королеву вне очереди и являющийся отцом наследниц престола. Во что она только что ввязалась? И кто тот ребёнок, которого ей... Она... В общем...

?!!

Волосы на голове зашевелились, поднимаясь дыбом. Радужное настроение вмиг улетучилось.

– Лицом к стене! Ноги на ширине плеч! – раздалось откуда-то сзади, но как будто в другом измерении.

Часть первая НЕУДАЧНИК

Глава 1 ЛОТЕРЕЙНЫЙ НЕУДАЧНИК

Август 2447 года, Венера, Альфа

Это плохая школа. Ужасная. Я ненавижу её всеми фибрами своей подростковой души. Наверное, если бы можно было ненавидеть в жизни что-то больше, чем мою школу, я всё равно ненавидел бы её. Но, надо признать, без неё мне не выжить.

Да, мне больше нравится прежняя школа, в старом добром районе, где я родился и вырос. Не самый плохой район, не трущобы, хотя и до респектабельных фешенебельных кварталов ему тоже далеко. И школа под стать – не гетто для бандюганов, но и не сборище пай-мальчиков и девочек, отцы которых зарабатывают пяти-шестизначные суммы в день. Там нас всё же учили, не пуская образование на самооткуп, как происходит на рабочих окраинах. Но... Учили слабо.

Может быть, кому-то тяжело это осознавать в восемнадцать лет, но все мы, каждый из нас, имеем свой уровень, выше которого не прыгнешь, как ни крути. Он не зависит ни от статуса или кошелька родителей, воспитания и даже от наследственности зависит слабо. Все мы разные, такими нас создала природа, и некого тут винить. Может, мне, получившему грант на обучение в престижной частной школе, легко об этом рассуждать, но...

Факт есть факт. И я не виноват, что мой интеллектуальный минимум соответствует чьему-то максимуму. Не виноват, и точка! Ведь есть люди и умнее, и способнее меня, так что надо просто принять это как должное. В конце концов, шанс получить заветную бумагу, именно бумагу, настоящую, из природного дерева, с отпечатанными условиями получения дальнейшего образования, государство предоставляет каждому. Вот только половина желающих отсеивается уже на экзаменах в соискатели, а многие – на самом тесте.

К чему я это? А к тому, что есть такие люди, даже среди бывших моих однокашек, для которых достаточно сдать базовый минимум и идти простым рабочим на завод, стройку, шахту или в обслуживающий персонал. Или в армию – в десант, например. Платят хорошо, думать не надо, а после армии, по завершении контракта, ещё и куча льгот предоставляется. И эти люди счастливы, реально счастливы! Им не надо ничего больше, да они ни к чему и не стремятся.

Однако существует другая категория. Те, кто не хочет на шахту или в докеры, а желает стать менеджером, адвокатом, врачом, пилотом истребителя или капитаном боевого эсминца. Это тоже хорошая работа, но, чтобы получить специальное образование, нужна совсем иная подготовка, не предусмотренная в базовой школе на окраине, где всем на тебя наплевать. Задача таких школ – дать возможность устроиться в жизни тем, кто сам ничего в ней устраивать не хочет, то есть совершенно иная. А хорошее образование может дать лишь хорошая частная школа с высококлассными специалистами, для которых главное – научить, а не просиживать свои часы на работе.

Но вот незадача: хорошие специалисты хотят получать хорошую зарплату! Неподъёмную для департамента образования. Поэтому у того, кто хочет добиться в жизни чего-то, кроме должности второго помощника третьего вентиляционщика, два пути. Первый – иметь родителей, родственников, опекунов или иных спонсоров, способных оплатить тебе место в таком заведении. Второй – тянуться самому, невзирая на иронию быдла вокруг, дескать,

умный нашёлся, учиться и в один день доказать, что твои желания совпадают с возможностями. Иными словами, потянешь учёбу в серьёзном заведении – из тебя получится хороший специалист.

То есть получить грант.

В нашей стране много, очень много приличных школ. Таких, где дают знания на высоком уровне. Частных. И каждая из них обязана принять определённое количество учащихся по грантам, за которых платит Корона. Конечно, самые-самые элитные, где грызут гранит науки дети аристократии, таких не принимают, но они платят за это право огромные деньги, и это уже другая история. Остальные же не могут отказать, не набрав положенное количество бесплатников. Каждая школа имеет рейтинг, который защищает раз в несколько лет и в соответствии с которым туда направляют определённое количество титуляров разного уровня (и за разную плату, конечно). Так что в целом система довольно логичная, хотя и жестокая.

Жестокая, потому что многие, мечтающие о хорошей работе, в один миг могут провалить экзамен на грант. Хотя в состоянии его сдать. Или не в состоянии, но всё равно хотят и тянутся из последних сил, но остаются с носом. Те, кто хочет, но не может, кто обречён на низкооплачиваемую работу или катастрофически медленный карьерный рост... Им никто не запрещает учиться дальше за свои деньги, окончив базовый уровень и работая, например. А что медленно – так это проблемы не государства!

К ним относятся и те, кто может, но не хочет. Их, несмотря на мозги, больше втыкает лежать всю жизнь на диване, попивать кислое вино, вкалывать на дубовой работе за жалкие центаво. При этом ощущая себя донельзя счастливыми.

Я же отношусь к четвёртой категории. Тем, кто может, хочет, но кому не дают. Кто вынужден отказаться от господдержки и идти обратно в родной район, ибо доучиться до конца у тебя просто не получится.

Повторюсь, у нас плохая школа. Не в плане обучения, нет. Напротив, здесь учатся те, кто сдал на самый высокий уровень гранта. Я бы сказал даже, одна из лучших.

Она носит имя одного из генералов, поднявших восстание против имперского гнёта, а чести носить имя героя удостоиваются только самые-самые. Но в том-то и дело, плохая она именно потому, что лучшая! Ведь, кроме нас, титуляров, в ней полно козлов, чьи папочки платят за обучение такие деньги, на которые мы с матерью смогли бы безбедно жить и ни о чём не думать в течение нескольких лет!

Это ОЧЕНЬ влиятельные люди. После знати, настоящей потомственной аристократии, элита нашего общества. А элите не нравится и никогда не нравилось видеть рядом с собой нищих выскочек, плебеев. Большинству не нравится пассивно, но есть несколько уродов, демонстрирующих это весьма и весьма активно, пользуясь своим положением и безнаказанностью.

...Я сидел в кабинете куратора и слушал получасовую лекцию на тему «Какой ты нехороший» и «Да ты ничего в жизни не понимаешь, сопляк!», посвящённую как раз этому вопросу.

– Хуанито, пойми, ты можешь стать кем угодно! Я смотрел твои тесты – и гуманитарные, и точные дисциплины тебе даются с лёту! Поступай куда хочешь, все дороги твои! Хоть в Венерианский государственный, хоть в Академию экономики, хоть в Высшую школу управления! Да если возьмёшься за ум, через пять лет я, возможно, буду называть тебя «сеньор Шимановский» и скромно тупить глаза! Ты что, не понимаешь этого? У тебя есть способности, сынок! Почему ради сиюминутного юношеского максимализма ты приносишь в жертву своё будущее?

– Дон Алехандро, можно я пойду? – устало вздохнул я. Спорить не хотелось.

– Сиди, я тебя не отпускаю! – Куратор заходил взад-вперёд по кабинету. Низенький седовласый мужчина с проплешиной на темечке, не молодой, но ещё не старый, по-другому

охарактеризовать его возраст я почему-то не могу. – Да пойми ты! Если забросишь учиться, если тебя «уйдут», это будет означать, что они победили! Борись! Борись, мальчик! Держись! Не губи своё будущее из-за богатеньких сволочей!

– А зачем? Для чего, дон Алехандро? – вспыхнул я. Меня наконец достал этот получасовой бессмысленный разговор, переливание из пустого в порожнее. – Вы говорите, выучиться? Хорошо, я закончу школу. Поступлю в престижный университет. *Предположим!* – уточнил я, поднимая вверх палец. – Опять же по гранту – денег у меня нет. Допустим даже, мне дадут его закончить. И что тогда? Кем я буду? Менеджером? А такие, как Толстый, станут старшими менеджерами! Потому что туда их пропихнут родители сразу, по знакомству! Я буду вкалывать, пахать как вол, а они – сидеть на заднице, ничего не делать и всю пользоваться продуктами моего труда, получая за это бонусы и премии *себе!* Стать инженером? А он станет главным инженером! Ведь главному инженеру не нужны мозги, ему нужен в подчинении грамотный инженер, чтобы быть на хорошем счету! Кем ещё стать? Экономистом? Юристом? А он станет начальником отдела! Журналистом? А он – главным редактором! Причём сразу редактором и сразу главным! – разорвался я. Прорвало. Слишком долго копил это в себе. – Я не хочу так, дон Алехандро! Сейчас эти подонки кулаками доклинают, кто здесь есть на самом деле и что такие, как я, должны лизать им задницы, если хотят учиться дальше. А потом? Сейчас я ещё могу дать сдачи, уйти, сбежать, показать свой гордый нестигаемый нрав! А потом мне *придётся* это делать по жизни! Иначе я мгновенно скачусь до уровня той самой помойки, на которой окажусь, если уйду сейчас, несмотря на потраченные годы и силы! Или вы думаете, это подростковая дурь? Что я испугался и сдаюсь? Это не так!

Я сруливаю не потому, что боюсь. Я сруливаю потому, что сейчас я ещё могу найти какую-то свою дорогу в жизни. А если не уйду, попаду в западню, и случится катастрофа, из которой никогда не выберусь. До свидания, сеньор куратор! – Я привстал, собираясь выйти из кабинета, но меня настиг громовой раскат его голоса:

– Сядь, я сказал!

Мой зад бессильно опустился на стул. Слушаться учителей, беспрекословно подчиняться – в этой школе одно из базовых правил, введённых в кровь с первых дней обучения. За непослушание тут запросто выгонят хоть платника, хоть титуляра.

Дон Алехандро насмешливо выдал:

– Сосунок! Неужели ты веришь, что действительно найдёшь что-то в этой грёбаной жизни? Место, где ни перед кем не надо будет пресмыкаться?

Он во весь голос расхохотался. Я поёжился. Стало вдруг не по себе от его взгляда, от смеха.

– Поверь мне, старику, горбтившемуся в этом дерьме под названием «жизнь» не один десяток лет! Такого места нет! Не существует! Точнее, оно есть, но, чтобы туда попасть, ты должен родиться как минимум в семье Феррейра! То есть быть **ОЧЕНЬ** богатым человеком! В любом ином случае тебе придется лизать и пресмыкаться! В любой сфере, от частного бизнеса до королевских войск!

Я опустил голову. Конечно, дон Алехандро прав. То, что я делаю, – дурь. Обычная подростковая дурь. Но почему я, понимая это, иду на принцип, против себя? Почему не могу остановиться, согласиться и перестать выкаблучиваться? Максимализм?

Наверное.

– Знаешь, из твоего разговора возникло ощущение, что тебе не восемнадцать, а как минимум двадцать пять, – хмыкнул куратор, читая мою душу, как раскрытую книгу. – Как минимум, хотя до подобных выводов многие не доходят и к сорока. Это тебе плюс. Но вот оружие ты себе выбрал... откровенно дурацкое!

Он помолчал немного, сверля насмешливым взглядом.

– Да, наш мир несправедлив. Да, богатеньким живётся несказанно легче. Да, нам всем приходится продирааться через колючие кусты там, где они наймут рабочих, которые проложат им прямую дорогу. Но!!!

Он снова замолчал, делая театральную паузу. Да, он – куратор, у него работа такая – воспитывать. А без актёрских навыков достучаться до нас, оболтусов, практически невозможно. Вот только найдёт ли он в моём случае правильные слова?

– *Но это значит*, – закричал вдруг дон Алехандро так, что я вздрогнул, – *что ты – тряпка! Что ты сломался!!!*

Я покраснел. Этот вывод на самом деле был гораздо ближе к истине, чем я пытался себе доказать всё последнее время, хотя упорно его отрицал.

– Вот ты говоришь о рабстве, вечном рабстве у системы, контролирующей всю нашу жизнь. Пусть так. Так что, теперь спиться? Ах, как нам плохо! Бедным и несчастным, которым не дают дорогу! Хорошую работу, шоколадные условия жизни! А ты что, думал получить всё на халяву? Задаром? Появились трудности – и лапки кверху? «Всё, сдаюсь, сеньор куратор! Не хочу прогибаться! Я лучше сдохну, лежа под шлюзом аэрационной шахты, грязный и вонючий, оборванный, с бутылкой дешёвого пойла в руке, в компании таких же неудачников! Вот это по мне! Это – моё!» Так?!!

Я закусил губу. Больно закусил. Стыдно.

– И ещё, ты можешь забить на учёбу, дожидаться, чтобы тебя лишили гранта и вышвырнули, дело твоё. Но когда это случится, помни! Повторяй про себя, пока не зазубришь, пока это не станет девизом на всю твою оставшуюся никчёмную жизнь: «Они победили!!!»

Да, победили! Банда Кампоса и его дружков! А ты сдался, прогнулся, как последний хлюпик! Неудачник!

Учитель замолчал и отвернулся. Несколько минут царила гнетущая тишина. Он давал время осознать всё сказанное. Вообще-то я и сам это прекрасно понимал, но почему-то, когда слышишь собственные мысли из чужих уст, они действуют несколько иначе. Более действенно, что ли...

Через некоторое время дон Алехандро обернулся и спокойно, как ни в чём не бывало, сказал:

– Не ты первый, не ты последний. Всем бывает плохо. Но у тебя не возникало такой мысли, что эту жизнь можно прогнать под себя?

Пауза.

– Да, именно! Прогнать под себя! Это удаётся не всем, только самым смелым, сильным духом в первую очередь, но это возможно!

Я поднял глаза и недоверчиво хмыкнул. Дон Алехандро иронию проигнорировал.

– Такие люди есть, и, как правило, их все знают, они на виду. Потому что уникамы. Упорным трудом выкарабкиваются из этого дерьма, прогибают под себя таких, как ты говорил, старших менеджеров и начальников отделов. Становятся НАД ними! Помыкают ИМИ, и те не плачут! Знаешь почему?

– Почему?

– Потому что «начальник отдела» – это их потолок. Уровень, выше которого они не прыгнут при всем желании и богатстве папочки. А настоящую политику, настоящие судьбы мира вершат те, кто не останавливается на этом уровне и идёт выше. Кто стоит НАД всеми этими сынками, аристократами и буржуями. Ты понимаешь меня?

Я понимал. Правда, смутно.

– Это нереально.

– Реально. Для этого требуется всего четыре условия: иметь способности, холодную голову, безграничную наглость и толику везения.

Способности у тебя есть. Голову холодной можно держать всегда, это вопрос самоконтроля. Наглость... – Куратор скривился. – С этим я тебе помочь не могу, тут уж сам.

– А везение?

– Везение? – Он присел и посмотрел мне прямо в глаза. Его взгляд, холодный и решительный, – взгляд уверенного в себе воина, а не школьного куратора. Человека, ВЕРЯЩЕГО в свою удачу и свою силу и от этого уже непобедимого. Я почувствовал, как по телу побежали мурашки.

– Верь в него! Верь в своё везение! И тогда тебе действительно повезёт!

Снова театральное молчание. Дону Алехандро с его способностями можно, наверное, было стать звездой эстрады, не выбери он стезю преподавателя. А может, так и надо? Ведь хороший преподаватель должен быть актёром?

Тем временем куратор подошёл к визору, выполняющему функцию окна, включил его и уставился вдаль на запрограммированные системой релаксации зелёные альпийские луга, уходящие в небо, то есть в потолок.

– Среди тех, кто на САМОМ верху, тоже одни «сынки» и аристократы! – вяло возразил я. – Туда не пробиться простым смертным!

– Думаешь? – не оборачиваясь, усмехнулся наставник. – Отчасти ты прав. Там много богатеньких. Но это очень, *очень* талантливые «сынки»! Бездарей в этом гадючнике просто сожрут, это не их уровень. К тому же ты ошибаешься.

– В чём?

– Что там одни представители знати.

– Вы можете привести пример хоть одного человека из простых людей, добравшихся до самого верха? – ехидно оскалился я.

Дон Алехандро вновь проигнорировал насмешку.

– Кто правит нашей страной? – сухо спросил он в лоб.

– Её величество королева Лея, – не задумываясь ответил я.

– Я спросил не о том, кто царствует, а кто правит?

Стоп!

За такие вопросы и, более того, за ответы на них недолго угодить в допросную императорской гвардии!

Дон Алехандро – провокатор?

Нет, не похоже. Да и наша страна ещё не скатилась до уровня тоталитарных режимов Земли, у нас пока можно говорить о персонах номер один всё, что думается. Пока...

– Смелее! Кто правит страной? Не царствует, а правит? – давил он.

Я молчал. Вот оно что. Прогнуть всех под себя. Высший уровень. *Самый* высший!

– А ведь он даже не венерианин! – продолжал куратор, не оборачиваясь. Он прекрасно чувствовал меня и спиной. – Ему и титул-то дали, лишь бы заставить замолчать некоторых старых консервативных представителей аристократии!

– Ему повезло! Оказался в нужное время в нужном месте, встретил нужного человека!..

– Везения не бывает без умения и без веры! – снова повысил голос учитель. – Я уже говорил, веры в себя и в свои умения. И без наглости.

– По-вашему, любому человеку можно стать императором? – усмехнулся я.

– Почему нет? – обернулся он.

– А почему тогда вы сами им не стали?

– Не знаю как... – Куратор обернулся и деловито пожал плечами, на губах его играла улыбка. Напряжение, витавшее в воздухе, начало спадать. – А ещё я старый неуверенный в себе маразматик. Куда мне! Мой уровень – как раз тот самый «менеджер»! Даже не старший.

– А мой? Мой уровень вы можете определить?

– Реши сам для себя. Пока я вижу слабака, испугавшегося кулаков богатеньких недосков и наложившего в штаны. Где уж тут уровень, откуда ему взяться?

Да, грубо! Но в яблочко!

– Вы считаете, что это действительно реально? Стать правителем? – выдавил я после долгого раздумья.

– Конечно. Теоретически нет ничего невозможного. Хочешь им стать? – Дон Алехандро коварно усмехнулся.

– Я не думал об этом... – честно ответил я, опустив глаза.

– И не надо. Не ставь это самоцелью. Будь гибок, толерантен. Но всегда иди к цели, маленькой цели на большом Пути. Перешагивая через все преграды и ставя новую маленькую цель. И тогда, кто его знает, чем он закончится, твой большой Путь?

– Значит, холодность рассудка, наглость и вера в удачу? – задумчиво потянул я. И почувствовал, как глаза мои сверкнули. Желание заниматься дурью, филонить, чтоб меня выгнали, бесследно исчезло.

– Иди на занятия, император! – Куратор громко рассмеялся.

Я смутился, но без злобы, это была добрая подначка.

Лишь затворив за собой дверь, осознал, как меня провели, я позволил себе посмеяться.

Да, он талант, этот милый старикан. Стать императором!..

Бред, конечно. Но главное он сделал: вернул волю к борьбе, желание доказать всем, что не на того напали.

Стать императором? А что, жизнь – длинная штука! Кто знает, как сложится лет через двадцать?

Холодная голова, наглость и вера в удачу. Мне повезёт. Обязательно повезёт!

Император, блин!..

Перемена уже давно закончилась. Я посмотрел в браслет на расписание. Так и думал, не везет – так во всем. *«Военная подготовка (теория)»*. Иначе говоря, военная история, основы стратегии, тактики, нормативной документации из тематической области и промывание мозгов нудным лекторским тоном в одном флаконе. Лучше б я и дальше сидел у куратора!

Аудитория находилась на минус четвёртом. Я был на минус первом. Спустившись на три этажа, замер перед закрытыми створками гермозатвора. Командор в своём репертуаре, скотина!

Даже гермозатворы на дверях, способные в случае аварии выдержать давление почти сто атмосфер и пятисотградусную температуру внешней среды (спасая тем самым находящихся внутри учеников до ликвидации прорыва), говорили о благополучии школы. Для муниципальных учебных заведений такая роскошь неподъёмна. Эти створки не пробить выстрелом прямой наводкой из среднекалиберного орудия, что уж пытаться открыть! Вздыхнув, я вытянул руку и приложил браслет к инфракрасному глазку. Всё, теперь моё имя появится в списке опоздавших. И объяснение – был у куратора – там не отмаз.

Раздался гудок, створки разъехались. Следом поднялась и дверь. Я торопливо вошёл.

– А об этом нам сейчас поведаёт сеньор Шиманьски! – радостно сообщил аудитории командор. Он всегда так, если делает какую-нибудь подлость, обязательно радостно.

Вообще-то дон Ривейра не командор, а майор, это всего лишь прозвище. Но заносчивым поведением он иногда смахивает на бригадного генерала, ни больше ни меньше. За то и прозвали. А так – обычный офицер десантных войск, раненный в Северо-Африканскую кампанию и списанный на гражданскую службу за непригодностью к военной. Человек умный, к делу относящийся щепетильно, со старанием и всей серьёзностью, но невероятно скуча-

ющий по своей прежней лихой службе. И вымещающий недовольство злодейкой судьбой на нас, учениках, будто мы в чём-то виноваты.

Я вышел на «точку». Это такое специальное место для доклада. Командор обожает театральные эффекты, но, в отличие от дона Алехандро, способности к актёрскому мастерству или режиссуре у него отсутствуют напрочь. Что не мешает ему издеваться над нами, заставляя проявлять уже наши способности на «точке». Перед всей аудиторией.

За моей спиной горел экран визора, показывающий трёхмерное изображение старушки Земли, политическое устройство. Я вздохнул, опустил глаза и настроился на бой. Уж если попал под руку командору, этот тип не отстанет, пока не выжмет все соки. Армейская привычка. А у меня за последние тесты очень мало баллов (по понятной причине), и злорадствовать он будет с двойным упоением!

– Итак, сеньор Шиманьски...

– Шимановский! – автоматически поправил я, за что не был удостоен даже беглым взглядом. Мою поправку просто «не заметили».

– ...Расскажите аудитории причины, по которым наша страна принципиально не подписывает конвенции «О запрете глобальных противостояний» и «О запрете бомбардировок гражданских объектов». В чём вообще суть вопроса. А то вот сеньора Долорес совершенно не представляет себе этого! А также не представляет, какие нормативные документы сопутствуют этим конвенциям, время и место их подписания.

Ага, чувак спросил дуру Долорес, высоченную смуглую сисястую куклу с дыркой в башке, через которую улетают все умные мысли, и теперь вымещается на мне. Конечно, Хулио Долорес – главный управитель коммунального хозяйства района! То есть царь и бог подкупольной жизни для почти двух миллионов человек!

Коммунальная система под слоем защитного металлопластика, отделяющего город от сумасшедших условий поверхности, а именно: вода, воздух, хладагенты и энергия – это власть, и немалая. Это распределение воздушных потоков, регенераторов, фильтров, терморегуляторов и прочего, без чего жизнь станет невыносимой.

Например, что такое плохие фильтры? Кашель, удушье, болезни? Запросто! Из-за дыр в санитарном законе можно сделать такой поток воздуха, который будет соответствовать всем нормам, вот только дышать им сможет далеко не каждый. То же и с водой, и с терморегуляцией. Каково это – жить на сковородке, когда температура в квартире плюс сорок – пятьдесят градусов? Или холод около нуля? А что, провод жидкого азота оборвался, авария на линии...

Коммунальная власть – это возможность давать избирательно блага и так же избирательно их забирать. С коммунальными боссами лучше дружить, если ты не Феррейра. А значит, быть боссом предполагает наличие знакомых. Связей, связей и ещё раз связей. А это, в свою очередь, значит, что командор никогда не сорвется на шпалу, даже если та будет нести полную ахинею. А буде она завалит контрольные тесты, её протащат на следующий уровень за уши. В отличие от меня, титуляра.

Конвенции военного сдерживания. Этот вопрос я знал, и неплохо. Вот только с командором нельзя «знать, и неплохо». Когда он не в духе, ответишь одно – спросит другое. А потом третье. И четвёртое. Пока не завалит. А это баллы. Поэтому, если не хочешь потом бегать с пеной у рта, пересдавая много-много тестов, а я не хочу, надо дать сеньору Ривейре шанс вывериться, выпустить пар. Причём не на себе. Лучше всего поднять его любимые темы, на которые он клонет и «раскроется». Проблема только в том, как перейти к ним незаметно, не заваливая основного ответа.

Я вздохнул. Отвечать придется долго. Очень долго!

Через несколько секунд я, театрально улыбнувшись (спасибо куратору), прокашлялся, набрал в грудь воздуха и начал повествование, будто нахожусь на конкурсе дикторов или чтецов литературного клуба:

– Как все знают, Земля уже много лет истощена. На ней почти не осталось минеральных ресурсов. В основном на восемьдесят – девяносто пять процентов они выработаны, а оставшиеся находятся либо в слишком труднодоступных формах, рентабельность добычи которых очень низка, либо их контролируют страны, плотно окопавшиеся вокруг них, вставшие намертво и не дающие чужакам контроля над месторождениями. Например, Россия и Канада...

Командор кивнул. Я почувствовал эйфорию. Сейчас или я его сделаю, или он лопухнёт меня. Азарт борьбы, победа или поражение, когда всё зависит от тебя, твоего ответа, твоего старания, возбуждает. Я воспрянул духом:

– В связи с освободительными революциями в колониях и образованием Космического альянса государства Земли потеряли контроль и над поставками сырья из космоса, оказавшись в безвыходной ситуации...

Дальше я начал вносить в речь цветастые обороты, словно артист перед камерой, рассказывая в общем-то известные всем вещи. Но главное было не ЧТО, а КАК я говорю. Командор аж заслушался, сердце простого солдафона потеплело. Его задача – объяснить нам, кто и почему может на нас напасть и за что мы будем воевать, не более, и с нею он справлялся.

Суть же моей речи можно было изложить в двух словах: мы не подписываем конвенции потому, что правила игры земных держав не для нас. У нас не те экологические и географические условия и совсем иное геополитическое положение. Если они начнут бомбить друг друга, произойдёт глобальная экологическая катастрофа, которая потянет за собой все остальные – экономическую, социальную и прочие. Иначе говоря, произойдёт апокалипсис. Нас же бомбить можно сколько угодно, никакой катастрофы от этого не случится. Мы же, не будучи скованы конвенциями, можем нанести агрессору ответный удар апокалиптического масштаба. И всё. Но два слова при желании всегда можно растянуть в двадцать два.

История... Наша история занимательна, хотя ей, как истории независимого государства, чуть более ста лет. Но каких ста лет!

Пока земные державы с остервенением мутузили друг друга на всех фронтах, деля исчезающие ресурсы, теряя силы и истязая себя, имперские колонии Венеры объявили о независимости. Дело было донельзя банально: во время очередной драки за трон между прямыми наследниками почившего монарха представительница боковой ветви Веласкесов, имперской династии, провозгласила императрицей себя, любимую, а коронованного чувака на Земле – узурпатором. Провозгласила здесь, в Альфе, на Венере, в колониальном центре и будущей столице. Расчёт шёл не на борьбу за трон огромной державы, а именно на восстание. Её, местную уроженку, поддерживала местная знать, недовольная политикой Каракаса. Коренные же территории, Земля, понятия не имели, кто она такая со всеми вытекающими. Так появилось Венерианское королевство, раскинувшееся на месте четырнадцати бывших имперских колоний.

Не найдя поддержки на «родной» планете, Аделлина Первая «освободила» эти земли, «даровав» им независимость и поддержав одного из оставшихся «узурпаторов». Сильный ход в тот момент. Империя⁴ чуть не стала республикой, а это было уже не выгодно никому.

Так что де-юре старая Империя – это мы, а нынешняя – НАШИ отколовшиеся владения, а не наоборот. К сожалению, на практике это не так, в реальной жизни всё произошло с точностью до наоборот, и все прекрасно об этом осведомлены. Поэтому та же Аделлина уже под конец своего правления сняла с себя регалии императрицы и отослала на Землю, превратив наши земли, «Империю без империи», в обычное рядовое королевство, прозванное

⁴ Империя – разговорное обозначение Южно-Американской империи. В описываемый период это государство представляет собой мировую сверхдержаву, раскинувшуюся на трёх континентах и имеющую колонии в космосе.

в самоназвании «Золотым». Тоже мудро на тот момент, поскольку это разрядило обстановку и позволило Венере выжить, подписав с метрополией долгожданный мир.

Дальнейшая история после провозглашения независимости и обретения международного статуса – почти непрерывная война с кем-то против кого-то. Вначале с Востоком против русских. Потом с русскими против Империи. Затем с ослабевшими русскими и Империей против усилившегося Востока. Сверхдержавы Земли того времени не рассматривали Золотое королевство как достойного противника, не принимали всерьёз, оно было лишь союзником на одном из многочисленных фронтов в космосе. Важный фронт, бесспорно, но не самый главный. «Вот сейчас добьём этих, а потом тех, а амиго сами приползут, на брюхе. На что они годны в одиночку-то?»

Гордыня погубила немало народов. Не стали исключением и земные державы. Пока они драли друг другу глотки, Золотая Корона вначале отхватила себе русскую зону планеты, создав на её месте автономную русскоговорящую провинцию. Затем та же участь постигла и восточные, и североамериканские колонии, а затем и европейские. И через пять десятков лет после провозглашения Корона полностью контролировала всю планету Любви, от полюса до полюса. А значит, все поставки дорогих, редких и таких нужных ресурсов, некоторые из которых в достаточном для промышленности масштабе добываются только здесь, на вдруг прозревшую Землю. Прозревшую, но уже неспособную что-либо изменить. Война на чужой планете против сильной наземной армии силами одного десанта без подготовленных укрепленных рубежей, в нечеловечески адских условиях... Самоубийственно дорогое удовольствие!

Монополия. Сладкое слово для аристократов-магнатов. Сладкое слово для казны, на деньги которой строятся боевые корабли и вербуются солдаты. Это слово позволило увеличить доходы настолько, что Корона быстро зализала раны, вырвалась вперед по всем экономическим показателям и почувствовала себя в состоянии выйти на мировую арену, поучаствовать в дележе ресурсов и владений на *других* космических фронтах.

Почувствовала, вышла... И победила! Маленькое экзотическое королевство вдруг стало державой, с которой нельзя не считаться! Это был удар по старому миропорядку.

Почему так сложилось, что страной правили одни женщины? Никто не знает. Уникальный случай в истории! Может, легендарная покровительница, римская богиня любви, постаралась? Ведь всё больше и больше людей поклоняется старым языческим богам. Вдруг они ожили и вновь вмешиваются в судьбы смертных и что им два с половиной тысячелетия сна?

Об этом скажут только сами Древние. Но факт есть факт: современной Венерой правили одни женщины. И все старшие дети, наследники, рождаемые ими, были женского пола. А кто сказал, что женщины – слабый пол? Мужчины?

Они ошиблись. Женщины слабее в прямом бою, в прямом столкновении. Но в тонких играх со многими противниками женщины хитрее, изворотливее и гораздо легче одерживают победы. Так и молодая хищная держава начала отхватывать кусок за куском. Ведомая расчётливыми стервами. Поддерживаемая знатью, понявшей выгоду монополии. Вкусившим прелести либерализма и демократии – последнего оплота демократии и либерализма на просторах Системы – народом. Меркурий. Луна. Марс. Сектор Юпитера. Сатурн. Уран. Околосолнечные энергостанции. Всё, до чего могла дотянуться жадная рука Веласкесов, рано или поздно становилось под штандарт Золотой Короны. Пока в один день королевство, отрёкшееся от имперского титула, не стало де-факто империей, колониальной империей, и заодно сильнейшей державой в космосе. А старые державы, враждовавшие друг с другом сотни лет, медленно и незаметно потеряли почти все минеральные поставки и тихо «сдулись».

Золотая Корона превратилась не просто в крупнейшего мирового игрока, а в монополиста на космос вообще, поскольку те поставки, что идут из не контролируемых ею секторов, смехотворны по сравнению с контролируемыми. И именно за это нас ненавидят.

За монополизм. За диктат цен. За диктат морали и системы ценностей, которую мы отстаиваем, не позволяя никому навязывать нам свои обычаи. За то, что всегда, до последнего человека, защищаем своих людей, своих граждан, не гнушаясь ради этого даже орбитальными бомбардировками других стран. Нас ненавидит Империя, всё ещё считая своими блудными владениями. Ненавидят русские, поскольку благодаря нам лишились своей жемчужины, Красной планеты. Ненавидят все страны Восточного союза, ныне превращённого в монархическую Восточную империю, – они тоже лишились своих секторов, а потом ещё и вынуждены были принять миллионы репатриантов. Ненавидят Америка, Европа... Короче, ВСЕ!!!

Сильных всегда ненавидят. Это закон жизни, перед которым надо смириться и принимать как есть. В этом я полностью согласен с командором. Но ещё в одном он прав: только будучи сильными, мы можем выжить. Только благодаря постоянной готовности к войне, сумасшедшим тратам на армию и военную технику, благодаря вот таким просветительским урокам в школах мы всё ещё на плаву. А если дадим слабину хоть в чём-то – нам конец. Нас всего сто миллионов. Их – пятнадцать миллиардов... Поэтому любая, даже локальная война на Земле может привести всю планету к экологической катастрофе, к глобальным и необратимым последствиям. В 2309 году, после Аравийского конфликта, когда земные политики наконец это поняли, все мировые лидеры планеты собрались в Нанкине и подписали эту конвенцию.

– А конвенция о гражданских объектах? – оживился «потеплевший» командор.

– Гаванские соглашения, 2324 год. Причины – недопущение тотальной гибели гражданского населения, массово сосредоточенного под купольными образованиями в колониях. Полный запрет бомбардировок специально помеченных демилитаризованных купольных зон.

Я замолчал, наблюдая за преподавателем. Дон Ривейра благополучно заглотил наживку. Ещё пара слов, и начнётся давно надоевшая всем лекция о патриотизме с пеной у рта. И стрелка с меня благополучно переведётся дальше.

– А почему мы не подписываем эту конвенцию? Мы что, хотим истребления миллионов в бессмысленной бойне? – Его лицо светилось иронией, хотя он только что мне подыграл, сам того не ведая. Блаженны идиоты!

– Скорее, наоборот, не хотим. Где гарантия, что враг, в случае высадки на нашей планете, будет обходить стороной ничем не защищённые купола, лишённые любых оборонных систем?

– Правильно! – вскочил с места командор и зашагал по аудитории, вытаращив глаза, доказывая нам в очередной раз одну и ту же истину, от которой мы давно устали. – Зачем тратить жизни собственных солдат, когда можно спасти их за счёт гибели врагов? Пусть размен будет один к тысяче, но это же враги!

Запомните, не бывает хороших врагов! Не бывает благородства на войне! Война – это грязь, такая грязь, что... – Он махнул рукой. – Никто никогда не оставит в тылу вражеский купол, даже если он беззащитен, как ребёнок. Они будут долбить его, и плевать на жизни гражданских внутри! Вы должны запомнить это, должны знать, если, не дай боги, начнётся такая война, безопасных мест не будет! Вы, каждый из вас, и юноши и девушки, должны взять в руки оружие и бить врага! Хоть из-за угла, хоть из-под земли! Но не давать ему ни минуты покоя! Чтобы он умылся кровью, чтобы проклял тот день, когда высадился на нашей планете...

Командор всё заводился и заводился. Глаза наливались безумием, слюни брызгали изо рта. Все, находящиеся в аудитории, уткнулись в станции и с трепетом «внимали», дабы тяжёлый взор экс-майора не споткнулся об их персону. Я праздновал победу.

Наконец, спустя минут десять, командора отпустило.

— ...Они прилетают сюда потратить денежки и потрахать наших девочек, но в душе каждый из них ненавидит нас! Ненавидит всем сердцем! И только на плечах наших солдат, простых венерианских парней с бронзовыми яйцами, держится вся наша страна! Таких, как вы! И вы не должны посрамить Отечество, случись беда! Всё! — Он повернулся назад, увидел мою персону и вспомнил о её существовании. Но заряд уже вышел, сил осталось только на то, чтобы вяло бросить: — Что-то ещё хочешь сказать, Шиманьски?

— Шимановский! — вновь поправил я. Так же безрезультатно. — Следствие. Купольные города, даже хорошо вооружённые крепости, идеальные мишени...

— Садись, Шиманьски... — махнул командор, отпуская меня. Есть! Я это сделал! — Итак, тема сегодняшнего занятия...

Под его монотонное бормотание я проскочил к своему терминалу и опустился на стул, на ходу доставая из кармана информационную капсулу. Ну вот, теперь можно расслабиться и хорошенько обдумать разговор с куратором. Ой, не простой мужик этот дон Алехандро!..

Звонок об окончании урока прозвучал как избавление. Мысленно поблагодарив всех существующих и несуществующих богов, я закинул рюкзак на плечо и направился к двери. Мозги кипели, к следующему занятию надо чуток встряхнуться.

Математика. Один из важнейших предметов. Идти к нему через четвёртую оранжевую — небольшую живую рекреацию, где можно посидеть минут пять под сенью настоящих деревьев и глотнуть живого воздуха.

Оранжевые — тоже гордость школы. Далеко не в каждой, даже частной, они имеются. В нашей их аж пять. Совет попечителей считает, что юным чадам полезно дышать не регенерированной фильтрованной дрянью, а ароматом живой природы. А попечители в этой школе более чем боги.

На самом деле природой тут не пахнет. В воздухе витает тот же аромат сухости, пластмассы и чего-то едко-затхлого, что и везде. Ну, есть примеси настоящего дерева, листьев, цветов, не спорю, но я никогда не чувствовал себя здесь таким уж «раздышавшимся». Проще сходить в азросалон идохнуть настоящим, привезённым с Земли воздухом, чем ловить здесь непонятно что. С этой точки зрения оранжевую себя не оправдывала. Но есть второй аспект, гораздо более важный для большинства из нас, — расслабон. В качестве отрыва от реальности это место помогает весьма и весьма! А это важно для человека, у которого мозги кипят от нагрузки.

Я никогда не был на Земле, но, думаю, мне там понравится. Люблю настоящую зелень, деревья, травку... Ради этого постоянно тусуюсь в Центральном парке, огромной государственной рекреации в центре города, вмещающей в себя до пары миллионов человек, где действительно пахнет природой и зеленью. И здесь, в незамысловатой школьной оранжевой, сразу чувствую, как быстрее бежит в жилах кровь, а проблемы уходят на задний план. Так уж устроен человек: мы колонизовали всю Солнечную систему, полетели к звёздам (правда, медленно летим), создали технологии, казавшиеся ранее невероятными, но так и остались в душе кроманьонцами, только-только слезшими с дерева и взявшими в руки палку. Мы те же, что и десять, двадцать, тридцать тысяч лет назад, — так же живём, так же растим детей, так же бьёмся друг с другом за кусок «вкусного». Женщины так же вынашивают и рожают младенцев, хотя технологии искусственного выращивания давно существуют и лет сто назад энергично использовались в военных целях. Мы едим продукты с теми же белками, жирами, углеводами и микроэлементами, только в несколько иной форме, дышим тем же воздухом,

спим столько же часов в сутки, страдаем от тех же финансовых, экономических, политических и социальных кризисов, что и много лет назад.

Мы – те же. Только вместо копий и луков вооружены космическими деструкторами и ручными плазмо– и иглометами. И нам, как и пещерным людям, нравится посидеть у костра под деревом, вдохнуть чистого утреннего ветерка, хлебнуть кристальной водицы из живого ручья...

...Но вокруг лишь металл и бетонопластик купольного города, разделённого на районы, шлюзы переходов, стены, вентиляционные шахты, коммуникации, теплоотводы. И затхлость, вбравшийся в кровь аромат пластмассовой затхлости кругом!

Затхлость воздуха, затхлость регенерированной воды в кране, затхлость жизни, отделённой от нормальной среды обитания тяжёлой вязкой раскалённой атмосферой и миллионами километров пустоты...

И только подобные рекреации дают нам надежду, что не всё ещё потеряно, дают почувствовать себя настоящими людьми, какими должны быть, а не пробирочными тепличными индивидами.

Я присел у фонтана, плеснул горсть воды в лицо и недолго думая залез на парапет с ногами, облокотившись спиной о статую. До следующего занятия минут десять, как раз хватит, чтобы прочувствовать себя тем самым кроманьонцем.

Оранжевая быстро заполнялась – я тут не один такой, любитель натурального. Вскоре в рекреации стало не протолкнуться – все свободные кусочки лавочек, парапета фонтана и даже голый земли были заняты галдящей толпой молодежи.

Это довольно интересно – наблюдать за людьми на перемене. По их походке, выражению лиц, морщинкам в уголках глаз, подрагиванию кончиков губ или частоте дыхания можно запросто определить настроение, мысли, занятия, характер. Кто внутри – говнюк, а кто ещё так себе. Но сейчас наблюдать за кем-то было лень, и я прикрыл глаза, слушая шум падающей рядом в фонтане воды, ни о чём не думая.

– Шимановский, вот ты где! – Рядом со мной на парапет приземлился зад длинноногой смуглой брюнетки с необъятным бюстом. Хотя, дело вкуса, кому-то он покажется в самый раз, но я такие не люблю. Впрочем, я не столько не люблю бюст, сколько его обладательницу. Эмма Долорес, та самая тупая дылда, что засыпалась у командора на простейшем вопросе, собственной персоной. – Я почему-то знала, что ты будешь здесь!

– Наверное, пораскинула мозгами? – съязвил я.

– Ну, ты ведь всегда тут сидишь? Верно?

Она не заметила моей иронии. Вообще завидую таким людям – ни забот тебе, ни хлопот. Им просто недостаёт ума осознать, что у них заботы и хлопоты! Как и недостаёт ума понять, что тебя только что оскорбили.

Как таких вообще оскорблять? После пары подобных фокусов настроение делать это безнадежно пропадает.

Наверное, это здорово – тупо быть счастливым и заморачиваться лишь на никому не нужные мелочи, пропуская мимо себя все сложности жизни? Но мне так не дано.

– Мне надо с тобой поговорить... – Она сделала вид, что замялась.

– Ну, говори, раз пришла, – милостиво разрешил я.

– Знаешь, Родригесы скоро устраивают бал... – Эмма стрельнула глазами и, одарив улыбкой завзятой совратительницы, посмотрела на меня ТАК, что я чуть не подавился.

Стоп! Это что-то новенькое!

Спиной почувствовал ревность стоящей сзади компашки старшекурсников. Они видели, КАК она смотрела. А ещё почувствовал внимание многих людей вокруг, вроде занимающихся своими делами, но... С оглядкой на нас. «Эмма Долорес зажигает с Шимановским? Это интересно!»

Я нервно сглотнул. Как бы про себя ни поносил эту соску, а от её взгляда все равно прошиб пот. Быстро взял себя в руки, но сознание отложило: я так же чувствителен к её магии, как и все вокруг. Секс-бомба, блин!

– Понимаю, мы с тобой немного из разных социальных кругов и почти незнакомы... – мило щебетала она, скромненько опустил глазки. – Так, может, давай познакомимся поближе? Ты парень неплохой, самый серьёзный из всей нашей группы...

Нет, она в самом деле секс-бомба. Половина учащихся юношей этой школы стелются штабелями, чтоб обратить на себя «высокое» внимание, и не потому, что у неё крутой папа. А половина лахудр писают кипятком от зависти и ненависти, эдакой присущей лишь слабому полу мелочной ненависти к той, кто красивее тебя или лучше в чём-то чисто женском. И Эмма этим активно пользуется. Тем, как выглядит. На это её скромного умишки хватает. Иначе говоря, она – местная звезда, и ей плевать на тех, кто так не считает.

Я, например, не считаю. А ещё я реально смотрю на вещи, причём делаю это параллельно и независимо от потока сознания, управляемого тем, что находится в штанах. Потока, заставляющего в данный момент пялиться на неё, пуская слюни, и остро реагировать на ужимки, коими она доводит мальчиков до безумия. Это не потому, что я такой весь из себя умный и сдержанный, умеющий контролировать сознание даже в моменты гормонального выброса. Это – защитная реакция, рефлекс, вбитый кулаками тех, кто не хочет меня здесь видеть, для которых я – пустое место, груша для битья, кто с удовольствием подставит меня в глазах однокурсников и администрации. Без этой реакции я бы уже давно учился где-нибудь в другом, более спокойном и менее престижном месте. Словом, я, как и все, оценивал её фигуру, млел от глубины антрацитовых глаз, шелковистости смуглой кожи, мысленно мял в руках необъятные буфера, раскатывая губы на большее, но в то же время дальним уголком сознания понимал: «Кто я такой, чтобы она со мной зажигала?» Простачок титуляр, не имеющий ни гроша за душой! Парень из бедной семьи, русский со средними, ничем не выдающимися внешними данными. Человек, которого сторонятся девушки, а на каждом шагу преследует группировка богатеньких недоносков, держащая всю школу в руках. И она – самая красивая, самая влиятельная, самая богатая, самая сексуальная, имеющая сотни поклонников! Подобные девочки не гуляют с такими мальчиками и не стреляют в них глазами. Подстава, самая натуральная подстава. И нужно быть последним лопухом, чтобы поддаться на провокацию.

Я усилием воли взял себя в руки и стрельнул глазами в ответ, выдавив самую сексуальную улыбку, которая мне когда-либо удавалась.

– Эмма, прости, что перебиваю, но ты сегодня великолепна!

Это был искренний комплимент. Ведь, если не считать её умственных способностей, внешне она – супермодель. И сегодня выглядела на все сто.

Долорес смутилась и покраснела. Точнее, сделала вид, что смутилась и покраснела, играть на публику она умела, хотя в глубине души ей было искренне приятно. Боги, до чего же легко читать людей!

– Спасибо! Хуан, ну ты это... – Она замялась. Тоже игра на зрителя, но уже на меня. Эдакая скромность...

Ага, знаю я эту скромность. Половина школы отодрала бы эту суку, причём зачастую в весьма экзотических местах и позах! Ну, я имею в виду богатенькую половину школы...

– Ну как, ты пойдёшь со мной на бал к Родригесам?

И снова этот взгляд, хлопанье ресниц, разящее мужчин наповал. Детка, да что же тебе нужно?

Я нервно сглотнул и снова взял себя в руки. Плохо, когда тебе восемнадцать, очень тяжело справиться с атаками таких вот стервочек. Тот же Хуан Карлос, мой единственный

друг в этом гадючнике, был бы сражен и, невзирая на все возможные подставы, помчался бы следом хоть на край света. Трахнуть саму Долорес, когда она сама тебе это предлагает?

Отвлекусь. Танцы – это действительно танцы. Причём бальные или народные – самба там, мамба всякая, румба – по усмотрению хозяев. Такие вечера устраиваются в высшем (или просто достаточно обеспеченном) обществе для общения: собираются люди, которым в неформальной обстановке нужно обсудить важные дела, сделки и прочее и при этом блеснуть показным гостеприимством. Дескать, смотрите, какую вечеринку я могу закатить!

Старшие на таких мероприятиях чинно выпивают, обсуждая друг с другом дела, изредка отвлекаясь на танцы. Их жёны и молодёжь, наоборот, развлекаются, показывая себя и поглядывая на других, изредка отвлекаясь на дела. Всем хорошо, все довольны. Браки в этой среде заключаются там же (в смысле, договоры о браках), а сами балы – идеальные смотрины. Короче, сплошная показуха, но разве могут быть иными мероприятия «высшего общества»?

Со стороны это выглядит вполне достойно, и, в общем, так оно и есть, учитывая мир «взрослых». Но то, что вытворяет за фасадом подобных мероприятий молодое поколение?.. Слово «отрыв» тут не подойдёт – мало красок! Игры золотой молодёжи, дорвавшихся до воли пай-мальчиков и девочек... Это круто!

И оттарабанить ту же Эмму где-нибудь в туалете или комнате наверху, подальше от взрослых глаз, можно влёгкую. Или, на худой конец, отвезти её куда-нибудь после праздника. В бар, клуб, а потом продолжить банкет в номерах.

В общем, знаю я подноготную этого общества, предложение брюнеточки звучит чётко и недвусмысленно: «Пошли потрахаемся? Заодно и потанцуем...»

Нет, свидание может и не закончиться тем, что я тут сам себе надумал, игра гормонов иногда порождает большую игру фантазии, но слухи – великое дело, а о безобразиях пьяной Долорес ходят легенды. Так что это, скорее всего, то, о чём я думаю. Непонятно только, зачем ей это надо?

– А почему именно я? – Я коварно улыбнулся, строя из себя рокового мужчину. Сомневаюсь, что у меня получалось, но шпала игру приняла и даже подыграла, начав жеманиться. – В группе много парней, серьёзных, красивых, гораздо лучше меня?

– Ну... Ты такой сильный! Умный! Да и симпатичный, зря на себя наговариваешь!

Далее следовало путаное описание того, какой я хороший, а она этого так долго не замечала. И теперь, заметив, хочет познакомиться поближе, и я не имею права ломать кайф такой девушке, как она.

«Толстый? Его подстава? Нет, они из разных группировок. Этот, если бы хотел сделать гадость, подослал бы шлюшку уровнем ниже. Отец Толстого – криминальный авторитет. Долоресы же и связанные с ними люди – легальные бизнесмены, а такие не очень уживаются с авторитетами. И дети их предпочитают тусоваться в разных компаниях...» – лихорадочно проносилось в голове, пока эта кукла подыскивала слова, чтобы внятно сформулировать повод. Говорила проникновенно, играла глазами, уголками губ, и, если бы не гнилые подставы в своё время, когда я становился всеобщим посмешищем, давно купился бы.

Надо докопаться до причины. Причины, а не повода, почему меня вдруг цепляет такая девочка.

Тут я заметил то, на что сразу как-то не обратил должного внимания: нас внимательно слушали.

Десятки пар глаз жадно следили за развитием событий. Гораздо больше, чем следовало бы. Разговоры постепенно почти полностью стихли. Да, шпала – звезда, но это не значит, что все должны бросать дела и бежать смотреть, кого она там охмуряет. Такое ощущение, что все вокруг знают причину того, что происходит, ту самую, которую пытаюсь вычислить я. Во всяком случае, большинство – ведь в стаде достаточно небольшому количеству особей

сделать что-то одинаково, и остальные будут делать то же самое. Так и в рекреации, все, занимающиеся своими делами, отвлекались и начинали вслушиваться в наш разговор, подражая десятку «заинтересованных» лиц, которые изначально нездорово на нас косились.

То есть тех, кто пришёл сюда специально посмотреть на развитие событий.

Окончательно по местам всё расставили её подруги, ближний круг общения. Они стали справа от меня, за фонтаном, все три штуки, и оживлённо перешёптывались. Глаза их горели азартом, тем безумным огнем, когда люди делают ставку в казино или идут ва-банк в покер. Стали так, чтобы всё видеть и по возможности чтобы я не видел их. Значит, я всё правильно понял.

Внутри всё упало. Наверное, вопреки разуму, что-то во мне хотело, чтобы повод оказался причиной. Чтобы такая девочка мной искренне заинтересовалась. Ну и пусть она дура! Красивая же дура! На худой конец, я был готов забить на подставу, пойти с нею и сделать то, на что она намекает. На память, дескать, я тоже там был, и повеселились мы неплохо. Подстава подставой, но она того стоит!

Но только не «лотерея»!

Информацию об этой милой игре растрепал по школе кто-то из их компании, похваставшись чем-то перед кем-то. А что такое секреты и как они хранятся в этих стенах, не стоит даже упоминать!

Так вся школа узнала, что существует некая группа пай-девочек из довольно обеспеченных семей, подруг – неразлейвода. Денег у них так много, что все имеющиеся доступные удовольствия они давно перепробовали, но так и не нашли для себя ничего экстремального. Того, что берёт за душу и тянет вон из тела, заставляя кипеть адреналин в крови, что приносит кайф и разнообразит серую, скучную жизнь.

Воровать в магазинах? Пробовали. Не то. Какой в этом смысл, ведь, даже если поймают, папочки их откупят. Неинтересно! Прыгнуть со скалы в пропасть? На Венере спектр подобных экстремальных услуг огромен, как и количество гор, подходящих для одного. Для вязкой атмосферы достаточно банального парашюта, чтобы получить незабываемые ощущения полета в перепаде высоты километров на десять. Но нет, страшно!

Что остается богатеньким гламурненьким дурам? Секс? Его они тоже перепробовали, весь и всякий, в любом виде и с любыми партнерами, благо эта индустрия – одна из столпов венерианской экономики. Но банальный, разрешённый секс – неинтересно. А неразрешённый...

Не всякого на такой тянет. Надо быть жутким извращенцем, чтобы любить то, что запрещено ЗДЕСЬ, а эти девочки на извращенков не похожи.

Когда компания отчаялась, кто-то из них вдруг придумал «лотерею». Суть игры в том, что одна из них, именуемая «хозяйкой», загадывает человека. Это может быть кто угодно: бомж, мусорщик, пьяный грузчик из супермаркета, слесарь канализационных систем – главное, чтобы он был по тем или иным причинам презираем в обществе (разумеется, в ИХ обществе). Те, кого не любят и презирают богатые, не считая за людей, грязное быдло, долженствующее делать не очень чистую работу, или просто асоциальные субъекты. Такого человека «хозяйка» записывает на листе бумаги, добавляет к нему пустых листков по числу играющих, тщательно все листки перемешивает, а затем даёт тянуть жребий.

Та, которая «выиграет» «лотерею», вытянув бумажку с надписью, обязана охмурить этого человека и переспать с ним. Обязательно переспать, в этом и смысл!

«Ну и что тут такого? – скажут некоторые. – Подумаешь, секс с сантехником!» Согласен, это для нас, жителей трущоб, сантехники – люди. А для них – то же, что для нас не мытые неделями бомжи. Кстати, если верить слухам, бомжа тоже разыгрывали в «лотерею». Правда, кто его вытянул, у девочек хватило ума не растрепать. К сожалению...

Теперь я. Лотереец. Неудачник. Да, я трахну эту секси, но стану при этом посмешищем. Вон сколько народу уже в курсе. Собрались, ждут, следят за развитием событий. Сволочи!

Наверное, многие парни захотят оказаться на моём месте. Подумаешь, что значит сплетня в обществе богатеньких, если можно будет всю ночь жарить саму мисс школа? Да только они не на моём месте! А эту длинноногую дрянь я никогда не прощу!

Я почувствовал, как дыхание участилось, зрачки расширились, а кулаки сжались, и призвал все оставшееся хладнокровие, чтобы не сорваться. Не сейчас! Не здесь! Позже обязательно выпущу адреналин, вымещу злобу на тренажёрах, а пока надо улыбаться. Улыбаться, чего бы это ни стоило!

К тому же, если «билетик» вытянула Долорес, значит, не она меня загадала. Вытянула и загадала – совсем разные вещи. Так что остынь! Остынь, парнишка! Ударь по ним так, чтобы эти шалавы больше никогда не думали унижать тебя! Унизь их сам!

– Знаешь, Эмма... – перебил я наивные разглагольствования шпалы. – Я так подумал и решил... Я не пойду с тобой к Родригесам!

– Почему? – Её лицо удивлённо вытянулось.

Ещё бы, мой отказ не означает, что «лотерея» отыграна.

Это всего лишь значит, что у неё не вышло с первой попытки, но захомутать меня она обязана, хоть через месяц, хоть через год. Таковы правила игры. А девочки будут внимательно следить за развитием событий и издеваться. Мой отказ – лишняя геморрой для неё, не привыкшей к строптивости самцов при виде её чар.

Я внимательно оглядел присутствующих. Разговоры в небольшой рекреации практически полностью стихли. Лишь несколько парней с младшего курса в дальнем конце под банановой пальмой обсуждали подготовку к какому-то сложному тесту, да обнималась на лавочке напротив парочка влюблённых. Им всегда всё по барабану. Они ходят в рекреацию каждую перемену обниматься. Итак, зрительный зал из тех, кто «в теме», и сочувствующих в сборе, пора и мне поиграть на него!

Глубоко вздохнув, как бы собираясь с мыслями, я начал повествование, мысленно повторяя про себя завет дона Алехандро: «Умение. Везение. Наглость. Умение. Везение. Наглость». Про концентрацию пока умолчал, она и так была на максимуме.

– Понимаешь, Эмма, вот ты сейчас учишься на предпоследнем курсе. Пройдёт два года, останется за плечами выпускной, и кем ты станешь?

«Зал» затаил дыхание от такой преамбулы. Неожиданно! Я продолжил:

– Ты станешь одной из самых завидных невест, с очень высокими акциями!

Долорес, на минуту смутившаяся началом, облегчённо кивнула. Детка, рано! Это только вступление!

– Вокруг тебя будут увиваться прекрасные принцы, один другого влиятельнее и краше. Сама пойдёшь работать куда-нибудь в модели, станешь известной, будешь зарабатывать кучу денег. Молодая, красивая, перспективная! Удачно выйдешь замуж за крупного бизнесмена, родишь двоих-троих детей... – Она кивала и кивала, видно, так себе дальнейшую жизнь и представляла. – Но потом тебе стукнет тридцать, и вся твоя красота уйдёт! – огорчил я. – Часть её заберут дети, часть – возраст, в модельном бизнесе ты окажешься ненужной.

Долорес удивлённо вскинула голову, плохо понимая, к чему я клоню.

– Хватка, чтобы открыть собственное дело, у тебя отсутствует, тут уж извини, как есть... – Я пожал плечами. – А твоего отца в это время тихо «уйдут» на заслуженный отдых. Его место – хлебное, а такие в цене. Всегда есть люди помоложе и покруче, и возраст – хороший аргумент для ухода...

Смуляночка хотела возразить, но так и осталась с раскрытым ртом. А что тут возразишь-то?

– И он мигом потеряет большую часть своего авторитета, друзей и влияния! – продолжал я. – То есть, в случае чего, он ничем не сможет помочь тебе в этой жизни!

Долорес округлила глаза. Я бил логикой, железными аргументами, спорить со мной было трудно. А выслушивать подобные рассуждения, да ещё из уст какого-то русского придурка?

Но «зал» жаждал крови, жаждал конца истории, ради этого он здесь собрался. И она не сможет меня заткнуть, не выставив себя душой. Эмма это поняла, к своему сожалению.

– Твой муж тем временем найдёт себе нескольких молоденьких любовниц. Зачем ему старая некрасивая жена, когда вокруг полно восемнадцатилетних смазливых курочек, только и мечтающих прыгнуть к нему в постель?

...Ну и в чём я нелогичен? Такое в богатых семьях происходит на каждом шагу, мало кого из этого общества минует сия чаша. От окружающих пахло кайфом, удовлетворением. Все остались бы довольны, даже если бы зрелище закончилось на этом месте. Это УЖЕ революция в сплетнях! Опустили Саму Долорес! Опустил русский неудачник! Надо же?

Но это ещё не всё, и Эмма наконец поняла, в какую загнала себя ловушку, играя на публику.

– А ты?... Ты останешься с ним ради детей, ради будущего. И своего, и их. Тебе будет плевать на мужа и семью, но в один миг вдруг окажется, что идти от него тебе некуда...

Я «сплагатил» у дона Алехандро театральные эффект – паузу, – чтобы усилить действие своих слов. Замолчали даже парни под пальмой, не понимая, с чего это вокруг такая тишина.

– Ты будешь сидеть дома, одна, страшная и никому не нужная, растить детей и тихо плакать в подушку, глядя на фортели цветущего, жизнерадостного муженька, кляня жестокую судьбу. Твоё время уйдет, и осознание этого станет самым страшным ударом за всю жизнь. Время, когда ты была звездой и всё могла, останется в прошлом...

Долорес попыталась что-то ответить, но я поднял руку в останавливающем жесте, вкладывая в голос как можно больше оптимизма. Дать надежду, а потом забрать – что может быть более жестоким? Сейчас пора давать.

– Но не всё так плохо, Эмма! В один прекрасный день всё изменится! Вся твоя жизнь обретёт смысл, появится надежда на лучшее!

Зал затаил дыхание. И я ударил.

– В этот день у тебя появится любовник...

Вокруг раздалось весёлое ржание. Злое, ироничное. Вот тебе и звезда, вот тебе и поклонники! Как легко в стаде попасть из вожаков под копыта и быть растоптанным! Эмма попала, а ведь я ещё не закончил!

– Он будет утешать тебя, жалеть, говорить ласковые слова. Ты – всячески ублажать, лелеять его, тебе покажется, что любишь его, хотя нужен он будет, лишь чтобы сбежать от одиночества... – Я давил, сгущая краски. – Самого его будут интересовать только деньги. Деньги твоего мужа. И когда он, наконец получив желаемое, исчезнет из твоей жизни, ты сначала поплачешь, привычно попеняешь судьбе, а потом поймёшь, что это выход. Спасение от одиночества.

И заведёшь целую кучу любовников!!!

Последнюю фразу я буквально выкрикнул, раскинув руки в стороны, акцентируя как можно больше внимания именно на ней. Вновь раздалась смех, но уже жидкие. Лица зрителей вытянулись в предвкушении развязки, никто не понимал, к чему я клоню, но что апофеоз близко, осознали все. Соль повествования в том, что это – совершенно реальный сценарий, это придало изюминку, купило зрителей.

– Муж будет смотреть на это сквозь пальцы, пока его авторитету ничего не угрожает, – продолжал я. – Ему плевать на тебя лично, развлекайся, дорогая, только не мешай. Не зарывайся со связями, не подставляй, и всё твоё. Но ты вроде не дура, чтобы рисковать положением ради забавы?

Зал согласно со мной закивал. А-а-атпад!

– Так всё покатится по гладкой дорожке, и в один день ты превратишься...

Апофеоз. Я снова сделал паузу, дав зрителям его прочувствовать.

– ...в обычную дешёвую потаскуху, которая сама платит, лишь бы её пожалели и трахнули!!!

Гробовое молчание. Такого не ожидали даже они. Классовое родство, как-никак.

Но я не из вашего общества, ребята! Мне на вас всех начхать!

Эмма сидела, раскрыв рот от растерянности. И, судя по всему, выйдет из облома не скоро.

– Ты превратишься в шлюху, в ничтожество! А я... – Я набрал в лёгкие воздуха, снова покачал головой и – наглость так наглость – выдал на одном порыве: – А я как раз в это время взойду на престол. Стану императором.

Тишина. Долгая, продолжительная. Челюсти отвисли у всех. Такого поворота никто не мог даже измыслить. В царящей суперлогичности моих доводов эти слова прозвучали настолько твёрдо и уверенно, а моё лицо оставалось таким убийственно серьёзным, что скривить губы в милой ироничной улыбке не получилось ни у кого. Слишком по-взрослому всё прозвучало. Ну что, девочки-гламурочки, как-нибудь сразимся ещё?

Я довольно улыбнулся, придвинулся к брюнетке, взял в руки её ладонь и, сочувствующе поглаживая, доверительно прошептал:

– Эммануэль, пойми меня правильно! Ты хорошая девушка! Красивая, умная! Но я не хочу, чтобы в тот момент меня, начинающего монарха... Чтобы моё доброе имя дискредитировала какая-то шлюха, заявляя, что, дескать, десять – пятнадцать лет назад именно она была моей девушкой и ходила со мной на бал к будущим магнатам Родригесам.

Всё, финал. Занавес.

Ну, кошёлки, я покажу вам «лотерею»! Жаль, конечно, что не Эмма, испуганно выдернувшая руку и шарахнувшаяся от меня, как от прокажённого, вписала моё имя, что «хозяйка» партии останется в стороне, но Долорес своё заслужила честно. Мне её нисколько не жаль. А остальные пусть имеют в виду на будущее.

Император? Да, меня будут теперь обзывать так, подкалывать, смеяться. Подшучивать. Но это будет добрая шутка, совершенно несравнимая с фразой «лотерейный неудачник». Один – ноль.

Тут прозвенел долгожданный предзвонок, который звенит за две минуты до занятия, и вся массовка встрепенулась, вспомнив, что перемена подошла к концу и пора двигаться дальше. Сама шпала в прострации побрела к таким же опешившим подругам, лишь шепча под нос в мой адрес нечто матерное. Чистая победа!

Я обернулся за рюкзаком и тут столкнулся взглядом с НЕЙ.

Эта девушка, тоже бесплатница, кажется, её зовут Николь. Она с нами только с этого года, новенькая. С первого дня нравится мне безумно, но я отчего-то стесняюсь подойти и познакомиться. Дурень, конечно, но... Стесняюсь, и всё тут!

Она стояла с противоположной стороны фонтана. Когда я обернулся, она подняла мне вверх большой палец и поддерживающе улыбнулась. Я пожал плечами и улыбнулся в ответ. Она подхватила сумочку, бросила восхищённый взгляд, развернулась и быстро зашагала к противоположному от меня выходу. Я в состоянии ступора закинул лямку на плечо и вернулся к своему.

Вокруг кипел народ, разбредаясь по аудиториям, обсуждая и разнося информацию, словно вирус, по всей школе. Главной темой ближайшей пары дней, конечно, станет «опускание королевы школы». На какое-то время я стану героем. Да и Император – не самое неприятное прозвище.

Может, действительно, не так всё плохо в жизни? И можно найти свою дорогу даже в тесноте и диктате сильных мира сего? Ведь и на каждого из них можно найти управу. Пусть на каждого свою, да и искать задолбаешься, но можно же!

Пожалуй, жизнь – не такая уж плохая штука...

Глава 2

МОЁ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

Я зашёл последним, но математик, как обычно, опаздывал. Прийти на пять минут позже для него норма, он мог себе это позволить.

Юркнув за свой терминал, я завихрил панель и достал капсулу, расслабляясь и настраиваясь на занятие. Вдруг прямо посреди панели проявилась огромная, видная всей аудитории надпись: «Hijo de puta».

Рука машинально дернулась, зло, с остервенением стирая её. Поздно. Вокруг раздалось дружное довольное ржание.

Новая волна ярости, гораздо более сильная, чем в оранжерее, окатила на меня с ног до головы. Дыхание сбилось, руки мелко задрожали. Уроды, ненавижу!!!

Смеялись в группе почти все. Большая часть не зло, но с презрением, которое не считала нужным скрывать. На их глазах разыгралась шутка, унизили неудачника, а это весело. Они ничего не имели против меня лично, но кто я такой, чтобы сопереживать или, не дай боги и Священный Круг, за меня заступаться?

Но несколько человек смотрели с неприкрытой враждебностью, ненавистью, получая от произошедшего эстетическое удовольствие. Я знал их всех. Чтобы понять, кто это, не надо оборачиваться – давно известные и проверенные в боях товарищи. В боях со мной.

Прихвостни Толстого.

Сам Толстый скалился больше всех, в то же время напуская на себя вид святой невинности. Ну да, он не сам это сделал. Но надпись появилась с его подачи, сто процентов.

Толстый, он же Бенито Кампос, грузный накачанный лось, на голову выше меня, ходячая гора мышц. Сын самого Виктора Кампоса, криминального авторитета, грозы преступного мира города по эту часть Центрального парка. В реальной жизни он, конечно, самый обычный предприниматель, не богатый, ему ой как далеко до уровня большинства присутствующих фамилий. Это официально. На практике же – некоронованный король этих мест. Он контролирует и мой район, и множество других, и даже территорию, где расположена школа. И все, кто хочет спокойно жить и работать на этой земле, выплачивают ему «дань». Хотя опять же не ему самому, а мелким территориальным бандам, «охраняющим» конкретные районы. Но банды в итоге крышует он.

Наша школа, как я говорил, элитная, хотя элитность эта промежуточная. Поскольку все, учащиеся здесь (кроме титуляров, те – вообще плебеи), представляют собой среднее сословие. Истинная элита общества, планетарные магнаты, аристократия – это замкнутый круг нескольких десятков семей, реально контролирующих ВСЮ экономику Венеры и подчинённых территорий. Контролирующих давно, с самой войны за независимость, и за столетие в их ряды влилось не более трёх-четырёх фамилий. Всего лишь.

Они ведают вопросами войны и мира, развития, глобальных проектов. Их предприятия дают стране семьдесят процентов налогов и сборов. От этих людей зависит дальнейшая жизнь остальных ста миллионов жителей планеты и сорока миллионов за её пределами. Это **ОЧЕНЬ** богатые и влиятельные люди, и влиться в их ряды практически невозможно. Поэтому термин «элита» – всего лишь дань сравнения с остальным миром, миром нищеты и трущоб. Семьи местной «элиты» – те самые оставшиеся тридцать процентов экономики, но разделённые не на сто семей, а на десятки тысяч. Их богатству далеко до *настоящего* богатства, а власти – до *настоящей* власти аристократии.

Именно поэтому меня бесит, когда всякие уроды размахивают оттопыренными пальцами и доказывают тебе, что они – хозяева жизни, а ты – ничтожество. Они сами ничтожества, если сравнивать с такими семьями, как Феррейра, Торрес, Сантана или Монзони, но,

как сказал кто-то из мудрецов прошлого, *нет ничего страшнее быдла, дорвавшегося до власти*.

Большинство учащихся здесь – то самое быдло. Кампос – вообще бандит, даже не бизнесмен и тем более не представитель хоть и маленькой, но власти. Он ещё более пустое место, чем тот же Долорес. Парень из трущоб, поднявшийся на вершину криминального мира, но так и оставшийся в душе тупым бычьём.

Сынок достоин папочки, если не превзошёл его. Эта властность, стремление всем доказать, что он тут главный и только он имеет право всем указывать, – из той же темы. И учителя, и учащиеся боятся Кампоса. Самым смелым преподавателям достаёт храбрости одёрнуть его на словах, когда зарывается, но это – максимум. Директор же вообще трясётся, услышав это имя, у него были какие-то тёрки с Кампосом-старшим, нам неведомые (хотя нетрудно догадаться какие, школа ведь отстёгивает «за безопасность»). А я вот с первого дня, когда мне популярно попытались объяснить, что должен делать, а что нет и что нужно принести и добровольно отдать, если хочу спокойно учиться дальше, послал Бенито и его дружков на три волшебные буквы кириллицы, которые в русском секторе каждый знает с пелёнок.

Толстый русский знал на достаточном уровне, чтобы меня понять. Он долго недоумевал, кто я такой, кто за мной стоит, что так нагло себя веду. Когда же выяснил обо мне всю подноготную – я никто, и за мной никого нет, – для меня начался ад.

Ну не могу, не могу я прогнуться! Не такой я человек! А у Кампоса здесь сложилась группировка «последователей», «друзей», банда из таких же отморожков, как сам. Они устраивают показной беспредел, выживая из школы тех, кто им не нравится.

Согласно уставу, учащийся, поднявший руку на другого учащегося, исключается. Школа понатыкана камерами слежения, здесь постоянно дежурят от трёх до пяти вооружённых охранников, и правило это выполняется жёстко. А вот Кампосу с друзьями можно нападать на других чуть ли не под кабинетом директора, избивать и благополучно сваливать. При мне такое случалось трижды. И им за это ничего не было, так, пожурили, «последний раз» предупредили. При этом остальных новичков, как платников, так и бесплатников, за это же время за драки было исключено пять человек – молодёжь, приходящая сюда из средних школ, поначалу несерьёзно относится к уставу, за что и платит. Так происходит каждый год, для того камеры и стоят, но Кампосу закон не писан.

Вообще, за тот год, что я учусь здесь, отсюда свалило более десяти человек. Забрали документы и ушли. Не выдержали. Но двое мне запомнились особо. Я не отношу их к тем пятерым, хотя их тоже отчислили за драку, «за избиение сокурсников». «Избитыми» оказались всё те же перекошенные от наглости рожи. Причём в одном случае их было четыре человека, а в другом – три. Представляете, избить в одиночку трёх-четырёх здоровенных накачанных лбов? Хлюпикам титулярам? Да они просто герои, раз совершили подобное!

Дружки Кампоса подстроили ситуацию так, что парни первые кидались на них, офонарев от издевательств. Потом те наваливались сами, отделявали пацанов за милую душу, а затем администрация самих же ребят во всем обвиняла. И исключала. Чисто сработано! Не придерёшься!

Теперь они достают меня, день за днём, делая гадости, выводя из себя по мелочам, чтобы потом в момент спровоцировать по-крупному. А я вынужден терпеть, выбора особого у меня нет.

Платникам от них тоже попадает, но не так сильно. В мире денег свои неписанные законы и правила, кого можно трогать, кого нет, и папочка самолично отдерёт сына за то, что тот тронет неприкосновенную персону. Но тем, кто в жизни не сильно крут или проявляет слабость, всё равно достаётся. Хотя далеко не так, как тем, кто имеет грант.

С нас эти твари не стесняются в открытую брать «подарки», угрожая расправой. Не деньгами, за это можно сесть даже Кампосу, но какими-нибудь вещами или дорогими нату-

ральными продуктами. Это считается нормой, на это администрация закрывает глаза: что наши «детские разборки» в сравнении с внешним благополучием и рейтингом школы?

А самое страшное, что эта школа считается одной из лучших. Здесь подонков ещё сдерживают драконовские правила, всё напичкано системами слежения, к которым может апеллировать любой ученик в случае несправедливого обвинения, попечители – известные люди, которые не потерпят бардака на своей территории и не позволят кому бы то ни было открыто устанавливать свои правила. И даже Виктор Кампос здесь не всемогущ. Влиятелен, стрижёт свою долю «за место», но вмешаться может лишь до определённого предела. Подонки Бенито не могут в открытую нарушать законы государства и устав школы, потому больше разбираются старыми дедовскими средствами – кулаками и шантажом, гнобя лишь тех, кто не может ответить, а таких всё же меньшинство в общей массе. В других, менее элитных школах творятся такие вещи... Здесь рай по сравнению с ними!

Я не боюсь. И никогда не боялся. У меня не было отца, но мать всегда ставила в пример деда, сильного и смелого человека, который тоже никого не боялся. Я с детства хотел стать похожим на него и отступить перед подонками не буду, это дело чести.

Они это поняли и отстали. Устроили для меня несколько показательных избиений за территорией, затем несколько раз крупно унизили и оставили в покое. Правильно, зачем тратить время на «этого русского придурка», если есть жертвы попроще?

Отстали, но на мушке держали. И я не сомневаюсь, что мы схлестнёмся ещё не раз.

– Забей! – раздался с соседнего ряда голос Хуана Карлоса.

Я обернулся. Специалист по воде и железу разглядывал на своём терминале какие-то чертежи, игнорируя происходящее. Очередной корабль. Большой и красивый, примерно середина двадцатого века – только тогда корабли имели такие огромные башни главного калибра.

– Достали уже! – излил я душу в двух словах. Трясун заканчивался. Я восстанавливал контроль. Это тоже вошло в привычку – утихомиривать ярость, свою необузданную спутницу, моё спасение и моё проклятие. Слишком часто приходится это делать.

– Они просто уроды, Хуанито! Потерпи! Осталось каких-то полтора года! Ты лучше их, они это знают, оттого и бесятся! Забей!

Хуан Карлос по жизни оптимист. С другим человеком мы вряд ли бы сошлись. Я тоже ненавижу нытье, и самому мне иногда просто необходим заряд позитивного настроения. Я черпаю у него настрой на лучшее, а он видит во мне благодарного слушателя своих безумных проектов, зубодробительных описаний и характеристик древних плавучих посудин, морских сражений и выкладок по экономике, истории и стратегии далёкого прошлого. Мне это не всегда интересно, но такое тупое унылое прослушивание реально поднимает настроение с минусовой отметки хотя бы до нулевой. А это уже много.

Я выругался под нос. Сзади раздавались едкие комментарии, которыми банда Толстого перебрасывалась между собой, объектом которых были, естественно, я и моя мать. Не реагировать! Ни в коем случае не реагировать!

– А это что у тебя? Опять что-то раскопал? – кивнул я на терминал Хуана Карлоса. Надо, чтобы предательская дрожь и желание встать и начистить Толстому рыло отступили. Именно этого он и добивается. Агрессии. Чтобы меня отчислили. «Сидеть, я сказал!» – мысленно заорал я на себя.

Полегчало.

– Это «Тирпиц»! – гордо ответил Хуан Карлос, разворачивая виртуальное изображение ко мне и увеличивая масштаб. Да, чертежи, причём очень подробные. – Германский линкор времён Третьей империи. Представляешь, его водоизмещение...

Когда Хуан Карлос начинает говорить о кораблях, то забывает обо всём на свете. Глаза его загораются фанатичным блеском, все иные мысли испаряются, он рассказывает с таким

упоением, что ты волей-неволей начинаешь видеть описываемое перед глазами. Появляется желание оказаться в том времени, в том месте, на той самой палубе. Увидеть воочию, как эти махины сражаются друг с другом, услышать грохот разрывающихся бомб и снарядов, гром выстрела его величества главного калибра, плеск волн, когда снаряд не долетает до цели, и рокот летящих в небе самолетов. Хотя, когда появились самолеты, главный калибр уже не использовался, вся война на море сосредоточилась на боях морской авиации. Вроде.

Ладно, не важно это. Важно то, что и я поддался его магии внушения, на несколько мгновений забыв о Толстом, о школе, обо всём, что произошло сегодня. Я не вникал в то, что он говорил, на это не хватит даже моей ангельской выдержки: все эти длина, ширина, калибр орудий... Слушая Хуана Карлоса, я думал о матери. О том, как несправедливо всё в жизни получается. Ведь если бы они задевали одного меня, это бы так не бесило. Я бы забил, понимая, что сие не самая большая проблема жизни. Главное – доучиться. Но подонки били ниже пояса, трогали самое ценное, что есть у человека. Мать.

Моя мать когда-то давно занималась проституцией. Они жили семьёй в забытом Древними горняцком поселке в русском секторе, когда дед погиб, а бабушка получила увечья при аварии, пробое купола. Мать была молода и получила образование... То самое, что дают без гранта, то есть никакое. Работы в посёлке шахтёров тоже почти не было, денег не хватало, государственная социальная поддержка в нашей «самой прогрессивной стране мира» «самая прогрессивная», и ей пришлось это сделать. Жизнь заставила.

Сам факт этого ничего не значит, таких на планете Любви миллионы, но она решила попытаться поймать удачу за хвост, заработав больше, чем разрешает зарабатывать её величество. И попала на незаконном контракте. А это статья.

Ей дали условный срок, но даже его вносят во все документы и базы данных. Если бы не это, не было бы всего нынешнего кошмара.

Потом, когда умерла бабушка, а я появился на свет, она встала на ноги, порвала с порочным занятием, но срок – строчка в паспорте – никуда не делся. И каждый, считывающий информацию с её личного чипа, об этом знает. Прошлого не изменишь.

Наверное, меня посчитают параноиком. Венера, планета Любви, где каждая третья женщина занималась или занимается этим ремеслом. Спрашивается, что тут такого? Подумаешь, проституция! Империя, заселяя эти земли и строя города, основала здесь большое количество борделей. В ту глухую эпоху церковь Благоденствия на Земле достигла пика своего могущества, люди в красных балахонах открыто ходили по улицам, проповедуя и клеймя грешников, толпы религиозных фанатиков за одно подозрение в подобном занятии могли запросто разорвать на куски. Здесь же, в колониях, народец собрался совсем не тот, чтобы забивать и рвать на части провинившихся перед Священным Кругом. Ну, не религиозный народ! Да и откуда взяться религиозности у старателей, горняков, шахтёров, строителей и рабочих, приехавших зашибать деньги?

Послав к демонам Священный Круг вместе со всеми его адептами, эти люди хотели простых человеческих радостей, вроде еды, воздуха и секса. И если первые два достать с их деньгами было нетрудно даже здесь, то для дальнейшего развития колоний власти просто обязаны были обеспечить их третьим. И обеспечили.

Надо сказать, первые поселенцы в основной массе были людьми неслабыми, третьими жизнью: бывшие заключённые, выходцы из низов общества – словом, разный сброд, желающий изменить социальный статус, но не имеющий такой возможности дома. Ну, кто ещё захочет бросить благоустроенную Землю ради непонятного будущего на планете с давлением у поверхности в девяносто атмосфер и температурой, при которой течёт свинец? Только те, кому в иных местах ловить больше нечего.

Потому и жрецы Священного Круга среди этой пестроты потенциальных грешников не прижились. Да и сами власти, наконец продравшие глаза и осознавшие угрозу со стороны

церкви, начали ставить балахонам палки в колёса везде, где только можно. И если на Земле их руки были связаны огромным авторитетом красных, их почти беспредельной властью над умами большинства, то здесь достаточно было под липовыми предложениями депортировать особо резвых назад, домой, а прилёт новых под теми же предложениями притормозить. Мимо космодрома не проскочишь, а пассажирские терминалы очень легко берутся под полный стопроцентный контроль...

Почти никто в колониях против такого обращения со священниками не возражал, людей больше заботило иное. Церковь, повозмущавшись, но не получив поддержки, сдавалась. Впереди её ждали трудные времена, противостояние государству, и на фоне этого было не до далёких, забытых высшими силами космических территорий.

...А затем, когда молодые колонии обеспечили себе относительную свободу совести, заработал маховик бизнеса. Со всех концов подчинённой тотальному моральному контролю Земли сюда начали стекаться люди, чтобы получить порцию удовольствия, и были готовы платить за это огромные деньги. Девочки, становившиеся обеспеченными до конца жизни за два-три года работы, также валили сюда толпами – на заработки, а потом тут и оставались. Привыкнув к воле, тяжело возвращаться домой, где тебя могут сжечь на костре за твоё прошлое.

Так основное население, мужчины-добытчики и строители, стали быстро разбавляться большим количеством не самых обременённых моралью женщин. Других женщин не было, и мужики женились на тех, что есть. Это, в свою очередь, наложило отпечаток на менталитет: торговля телом медленно, но неумолимо перестала рассматриваться как нечто унижительное, как падение. Работа такая же, как и остальные! Подумаешь, тело? Ну и что? От него не убудет?

Колонии ширились, росли как грибы после дождя, с каждым днем становясь всё многочисленнее и многочисленнее. Новые бордели самой разной направленности, увеличивающийся поток туристов из обычных и экзотических частей Земли... Дело с каждым годом приносило всё больший доход, иногда достигающий половины колониального бюджета! Это на планете, напичканной шахтами, карьерами, космодромами, складами и обогатительными заводами! Экспортирующей минералы миллионами тонн!

Теперь власти, даже если бы и задумали прикрыть этот бизнес, не смогли бы ни сами, ни с помощью церкви. Но они в общем-то и не стремились. Губернаторы всячески его поддерживали, поощряя закрепление в самосознании рождающихся здесь аборигенов истин, отличных от менталитета коренной Империи. Это было выгодно...

...А потом стало поздно.

Со времен основания первой колонии сменилось несколько поколений и сложилось пренебрежительное отношение к тем, кто здесь живёт. Дескать, местные мужчины – быдло, рабочий скот, трудящийся на благо метрополии, рабы, не имеющие права поднять голову, обслуживающий персонал. Женщины – сплошь подстилки, призванные лишь удовлетворять потребности землян, которые те не могут удовлетворить дома. Это отношение проявлялось и на Земле: стоило венерианам туда приехать, они становились объектами насмешек и презрения. Естественно, аборигенам это не нравилось, но Империя была слишком сильна, чтобы как-то ей противостоять.

С годами пренебрежение усиливалось, накаляя обстановку, а население колоний, как и их экономическая мощь, росло в геометрической прогрессии. И в один миг люди, уже привыкшие к такому положению вещей, отчётливо понимающие, что они – не равноправная часть общей Империи, возмутились. Возмутились сильно, громя имперские ведомства, склады, предприятия, нападая на полицейских и военных, избивая и убивая напыщенных распальцованных туристов из коренных земель, коим не посчастливилось в этот момент

здесь оказаться. И впервые силы подавления всемогущего государства, раскинувшегося на трёх континентах и пяти планетах, не смогли ничего им противопоставить.

Тогда магнаты, владельцы горного бизнеса, тяготящиеся давящей рукой императора, а также властью земной аристократии, выбивающей для себя льготы в ущерб местной, решили воспользоваться моментом и вложили в это недовольство деньги. Деньги и оружие.

Рвануло сильно. Война гремела долго, несколько лет, унесла много жизней и имела катастрофические последствия для экономики. Проклятые имперцы, уходя, уничтожали ВСЁ!!! Всё, что могло приносить прибыль, за счёт чего эти территории могли выжить в нечеловеческих адских условиях. Почти нетронутыми оставались лишь подземные коммуникации под бывшими городами, бомбоубежища, в которых прятались от войны люди. Вся инфраструктура, заводы, шахты и космодромы были разрушены. И в этот момент именно проституция, индустрия, не связанная с горной добычей и производством, помогла Венере, теперь уже независимому королевству, встать на ноги, восстановив из руин всю остальную промышленность. Встать быстро и без кабальных внешних займов.

Поэтому здесь, в имперских секторах, слово *puta* не является сильным оскорблением. Да, неприятно, но нетрагично.

* * *

Но я не из имперского сектора. Я – русский.

Наш сектор развивался по своим законам. Медленнее, чем офонаревшие от грехопадения латиносы. Но зато надёжно, на века, сохраняя обычаи и традиции предков метрополии. У нас в крови такие понятия, как «неправильно», «плохо», «нельзя», «некрасиво» или «стыдно». И мы гордимся этим. У нас своя культура, пятьдесят лет оккупации не уничтожили её, как это произошло в других секторах. За это имперцы нас ненавидят. Но терпят. И издеваются, если это возможно. Как Толстый с друзьями.

К тому же срок был за НЕЗАКОННУЮ проституцию, а это нечто иное, нежели просто торговля телом. Согласно имперской логике это стыдно, ведь в контракте всё прописывается чётко, а без контракта клиент может делать всё, что захочет. Именно эта *вседозволенность* и считается позорной, хотя то же извращение, но прописанное на бумаге, уже норма.

Бред!

Но я живу в этом бреде восемнадцать лет. В этой бредовой стране с её бредовыми законами. И нам некуда уехать: для бывшей метрополии мы – презренные венериане. Там мы тоже станем отщепенцами, но если здесь нас терпят, мы родились на общей земле, в одном государстве, то там будем причислены к врагам и шпионам, чужакам, а это гораздо хуже.

– Слышь, чувак! Ты где летаешь? – Хуан Карлос помахал рукой мне перед лицом. Я очнулся. – Препоид идет!

– А-а-а-а... Ага! – потянул я, вновь раскрывая терминал, подсознательно ожидая новой каверзы. Нет, чисто.

– Ну так что, ты идёшь? – продолжал в том же духе болтать Хуан Карлос.

– Куда? – не въехал я. И понял, что сегодняшняя лекция была посвящена не только линкорам.

– На летучку, куда же ещё! – обиделся он. – Я ему минут пять про неё пропихивал, а он даже не слушал!

– Извини... – Я пожал плечами. – Немного мысли не те были.

– Да ладно! – Друг смилостивился и махнул рукой. – Вторая попытка. Короче, завтра летучка. Организуют какие-то скользкие типы из сената.

– Оппозиция? – уточнил я, хотя мог этого и не делать.

– Кто ж ещё! – Он довольно хмыкнул и задрал вверх нос.

Я не разделял его любовь к противникам власти, но, поскольку и любви к ней не испытывал, относился ко всему спокойно. У всех свои причуды.

– Что делать будем?

В аудиторию зашёл преподаватель, и мы перешли на шёпот.

– «Будем»? Это типа ты выражаешь согласие? – усмехнулся Хуан Карлос, стараясь не шуметь.

– Не томи! Знаешь же, что пойду! – шикнул я.

– Демократию хоронить! – загадочно прошептал он и подмигнул, после чего бросил опасливый взгляд на математика.

Ничего себе заявочка! Пожалуй, на такое стоит посмотреть.

– Во сколько?

– В десять. Я зайду. Пиво брать с собой, там его могут не продавать...

Ну, это как обычно. Рядом с акциями протеста студентов и учащихся никогда не продают спиртного. Во избежание. Хотя это никогда не помогает.

Хуан Карлос – единственный нормальный чувак в этом отстойнике. Он платник, его дядя – политолог в какой-то крутой аналитической конторе и может позволить оплатить обучение племянника, хотя родители его не богаты. Банда Толстого его не трогает. Почти. Пара синяков за год – это небольшая цена за спокойствие.

По жизни его можно назвать конструкторским гением. Будущим гением. Ну, крутым инженером он станет точно! А как иначе, если хобби человека – строительство моделей кораблей? Настоящих, один в один, как прототип, причём плавучих. Сам вырезает, строгаёт, пилит, сверлит, фрезерует, корпит над чертежами, чтобы сходство было не просто полным, а феноменальным! До последнего спасательного круга на третьей палубе! Правда, в отличие от большинства предпочитает не парусные красавцы, наподобие флейтов, галеонов, корветов или фрегатов, а более громоздкое и менее смотрящееся железо. Век пара, броненосцы. И что хорошего в этих жестянках нашёл?

Он даже побеждал на специализированных конкурсах, регулярно проводящихся на Большом озере в Центральном парке. Молодец, пацан! Совсем не похож на зарвавшихся снобов, коих здесь большинство. Как и на забитых титуляров, отстёгивающих Толстому за право тут появляться. Мы с ним очень разные, но в одном похожи – не такие, как все. И имена у нас тоже похожи, тёзки, просто у него двойное имя.

Ещё одна его черта – любовь ко всяким акциям протеста. В душе он – республиканец, причём активный. Мы много раз ходили на всевозможные митинги и демонстрации, пару раз бывали биты, один раз чуть не угодили в застенки нашей доблестной гвардии, но он упрямо, с маниакальным упорством, тащится сам и тащит меня на такие приключения снова и снова. Будь это студенческое пьяное выступление с песнями и гитарами, где девки раздеваются догола, а потом все дружно забрасывают бутылками стражей порядка, или серьёзное выступление профсоюзов, с бабушками и дедушками, вооружёнными палками. Кстати, эту категорию не депортируют и не сажают за такие фортели, королева не любит обижать стариков, чем они и пользуются.

Вот и планы на завтра определились. Летучка. Слёт людей, которые оговаривают его в своём кругу, неожиданный для окружающих. Просто собирается в одном месте много народу, и вдруг все резко начинают вместе делать что-то определённое. Неожиданно для всех, кроме тех, кто в теме. Самое оно для субботы!

Между тем занятие началось. Математик равнодушно прохаживался по аудитории, бубня под нос новый материал. Не унявшийся Толстый, как обычно, полушёпотом с кем-то переговаривался по браслету. Наш математик не любит такие выкрутасы, он так влюблён в собственный предмет и акты неуважения жёстко пресекает, воспринимая их как лич-

ное оскорбление. Вот и теперь он в мягкой форме попросил Толстого озвучить несколько моментов своей речи, известные нам теоремы, на которые ссылался. Естественно, кроме неразборчивого мычания, добиться от Кампоса чего-либо оказалось невозможно. Крал он на математику!

Надо сказать, наш профессор – довольно известный в своей среде человек. Почему преподает в общеобразовательной школе, а, скажем, не в университете? Не знаю, но, если судить по уровню заведения, акционеры, скорее всего, решили потратиться и нанять за большие деньги грамотного человека, повышая таким образом престиж школы. Ведь престиж – это статус, рейтинг, а рейтинг – это деньги.

У них получилось. Преподавал дядечка отлично. Рассказывал связно и понятно, наши выпускники оставляют вне конкуренции почти всех на вступительных конкурсах. Конечно, те, которые приходят сюда учиться, но Толстый к ним не относится.

Радужный профессор подсказывал, вытягивал его, смеялся себе под нос на его ужимки и пыхтения, ядовито комментировал – в общем, развлекался и развлекал аудиторию. Но в один момент это надоело даже ему.

– Ай-ай-ай, молодой человек! У меня только один вопрос: а зачем вы сюда пришли?

Кампос прошептал что-то под нос. Профессор считался одной из фигур, которых трогать нельзя, не того полёта птица, и это его бесило.

– С вашим отношением к точным наукам вам надо было пойти в учебное заведение попроще. Стоило ли вашему отцу платить такие деньги, если вы ходите сюда лишь для галочки в строке «Посещение»? – не унимался профессор. – А как же баллы, молодой человек? Без них грош цена вашему диплому!

– А они не нужны ему, сеньор учитель! – не вытерпел я и встрял. Ну, падла, ты мне щас ответишь за «Niño de puta!». – Ему нужен диплом элитной школы, а баллы... Их ему папочка купит!

Заскучавшая было аудитория оживилась. Все начали поднимать головы и с интересом взирать на вашего покорного слугу.

– Да, пригрозит кому надо, кого надо подмажет и обязательно купит! Получше наших!

– Смотрю, сеньор Шимановский разбирается в купленных баллах и дипломах? – усмехнулся профессор.

Аудитория засмеялась. Атмосфера разрядилась.

– Что ж, продолжайте, молодой человек! Нам всем интересно! – с энтузиазмом воскликнул профессор, как опытный преподаватель видя новое развлечение, новую жертву для битья, добровольно подставившуюся под удар.

Ага, щас! Всё брошу и позволю себя шпынять!! Толстый, и только Толстый! Все стрелки на него!

– А что продолжать? – Я недоуменно пожал плечами. – Всё предельно просто: сеньору Кампосу купят диплом с хорошими баллами. Через департамент образования, всё как положено, там люди тоже кушать хотят. Долго ли умеючи?

Глаза профессора смеялись. Работая среди нас, наивных школьников, он часто устраивал небольшие представления с нерадивыми учащимися, от которых получал небывалое удовольствие. Где ещё в научном мире можно так повеселиться?

– Это всё, что вы хотели нам рассказать, сеньор Шимановский? Я думал, у вас есть более интересные аудитории аргументы! А то, что вы говорите, – пустое сотрясание воздуха, лишённое фактов.

Хм... А этот дядечка мне всё больше и больше нравится!

– Конечно, фактами я не обладаю, – согласился я, кивая. – В противном случае я бы здесь не сидел. А жил бы где-нибудь у чёрта на куличках, и меня усиленно охранял бы департамент безопасности, как ценного свидетеля...

Народ вокруг заулыбался, зрителя я к себе расположил. Значит, можно бить дальше. Я вновь начал входить в раж, в состояние, подобное тому, что было в оранжерее.

– Но вот аргументы могу интересные подбросить, с этим у меня проблем нет! Такое вас устроит?

Профессор рассмеялся и махнул рукой:

– Ну, давайте попробуем послушать аргументы, сеньор Шимановский!

Я картинно прокашлялся и с напыщенным видом начал:

– Итак, окончив школу с купленным отличием, сеньор Кампос пойдёт учиться в самый престижный университет. – Я обернулся на Толстого, внимательно с прищуром меня разглядывающего. Если б взглядом можно было убить, я был бы труп. – Учиться, конечно, он будет так же, как и здесь, но в университете это гораздо легче устроить. Там цель – не учёба, нет баллов для поступления, есть лишь итоговый диплом, который тоже можно организовать при помощи шантажа и финансовых вливаний. Поэтому те четыре-пять лет станут для сеньора Кампоса непрерывным праздником, с пьянками и гулянками каждый день.

Я сделал паузу. Аудитория мысленно со мной согласилась. Да и трудно не согласиться с подобным утверждением, глядя на его поведение сейчас.

– Затем он пойдёт работать. Скорее всего, папочка сунет его в какое-нибудь хлебное место, синекуру, где ничего не надо делать и получать за это большие деньги. Параллельно подарит небольшую фирму, где тот станет генеральным директором и в которой даже не будет появляться.

Я оглядел лица ребят вокруг. Все, включая Хуана Карлоса и сучку Долорес, с интересом слушали. Это не подстава гламурных потаскух, это чистая импровизация, да ещё на одном из самых жёстких уроков с самым непредсказуемым и суровым преподавателем.

– Так и пойдёт: он будет отдыхать, хорошо проводить время, за него будут работать менеджеры низшего звена, таща на себе всю адскую рутину. Он же будет получать за это премии и бонусы.

Затем, со временем, сеньор Кампос лишится поддержки своего папочки. Не знаю, но мне кажется, что такие люди долго не живут. По крайней мере, на свободе...

В аудитории воцарилась гробовая тишина. Даже профессор перестал улыбаться. Я играл с огнём, и играл сильно. Кампос – не тот человек, с которым можно шутить.

Я имею в виду Кампоса-старшего, конечно. Мне же было всё равно, точка невозврата уже пройдена. Меня несло, и остановиться я смогу лишь в могиле.

– Или конкуренты грохнут, типа передел сфер влияния, или зарвётся, своей мафии дорогу перейдёт. Кто его в их бандитских делах разберёт! На самый худой конец, департамент безопасности всё-таки нароет на него достаточно улик, и дона Виктора закроют лет на сто двадцать – сто тридцать... – Я картинно обернулся во все стороны вокруг, вешая на себя озадаченное лицо. – А что вы все с таким удивлённым видом? Как будто не знаете, кто такой Виктор Кампос!

Мой энтузиазм никто не поддержал. Гробовое молчание тянулось, но оцепенение начало проходить. Да, мы все знаем, кто такой Кампос, конечно же. Только говорить вслух боимся. Боялись. А теперь, когда эта информация озвучена, чего нам бояться? Теперь в ней ничего страшного нет! Да, Кампос – преступник. Да, бандитский авторитет. А мы все такие смелые, когда жопой в огонь за каштанами лезть не надо, и будем это открыто обсуждать! Это же Шимановский первый сказал, вот он пусть и боится!

Эта мысль в той или иной степени отчётливости и законченности проступала на лицах всех однокурсников. Меня скривило внутри от отвращения. Дерьмо! Всё вокруг – дерьмо!

– Но его сынок к тому моменту приобретёт достаточный «опыт», – решил я вернуться к истокам темы, – и начнёт двигаться по карьерной лестнице самостоятельно. Отсидел в этом отделе? Иди замом начальника другого! Посидел замом? Иди коммерческим директором!

И так далее. Ведь делать не надо ничего и нигде! Всё за тебя сделают сотрудники, подчинённые! Те, которые парились в школе, зарабатывая баллы для поступления, вкладывали в учёбу душу и всё свободное время! Кто потел и не спал ночами перед сессиями в универе, кто своим трудом достиг долгожданной корочки красного цвета... По которой их пригласят на такую высокую и хорошую должность, как подчинённый Толстого!!!

Я специально сказал прозвище, но никто не обратил на это внимания. Слишком живую, актуальную тему я поднял. Ту, что касается всех, здесь сидящих. Я указал им, что они – быдло, только быдло высокооплачиваемое. В смысле, станут в будущем. Стоит ли говорить, что гнетущая тишина продолжилась, но взгляды, бросаемые на меня, приобрели ярко негативный характер?

– Так зачем же ему напрягаться? – Я снова обвёл взглядом присутствующих, внимательно вглядываясь в глаза каждому. Многие опускали головы. Большинство просто отворачивалось. Ведь все мы здесь, или почти все, потенциально те самые «менеджеры» – сотрудники, рабочие лошадки, которыми будут командовать бездельники кампосы. За редким исключением. И эта тема тоже никогда в этих стенах не поднимается. – А если произойдёт косяк, система даст сбой – всегда можно подставить вместо себя кого-то из подчинённых! Их вон ведь сколько: один уйдёт, другой придёт – какая разница?

Так через много-много лет сеньор Кампос будет иметь большой дом в престижном районе, приличный счёт в канадском банке, красавицу жену, которую ему сосватают компаньоны, считающие его перспективным, несколько молодых любовниц, с которыми он будет весело прожигать жизнь, шестидюзовую «эсперансу» в гараже и все-все атрибуты успешного человека. А также сытую должность, на которой по-прежнему ничего не надо делать, свою фирму, а то и не одну, и целую кучу знакомых во всех сферах общества. Разве это не уважаемый человек?!

Я замолчал, позволяя аудитории ощутить полный эффект от своих слов. Правда глаза колет, все мои сокурсники предпочитают не говорить на тему социальной несправедливости, а она существует даже здесь, в одном из самых престижнейших учебных заведений планеты. Каждому присутствующему уже сейчас, за много лет до окончания университета, отведено определённое место в жизни, и у платников, и тем более у титуляров. Каждый знает его и давно с этим смирился. От самих нас зависит не много: будем ли выше на две-три позиции или ниже.

Для всех это – норма жизни. А я вот, негодяй, взял да и вскрыл затянувшийся уже нарыв, выпустив гной! Меня сегодня возненавидит много людей, и не потому, что они на стороне Кампоса. Наоборот, они лучше, чем кто бы то ни было, понимают, что я прав, но не в силах изменить положение вещей. Сам того не желая, я обвинил присутствующих в трусости, в нежелании менять что-то в этой идиотской коррумпированной системе под названием «общество». Да-да, это будет их следующей мыслью – трусость. Они придут к неутешительному выводу, что пусть уж лучше всё останется по-прежнему, ведь так проще. Легче. Привычнее.

Трусость? Да, трусость! А что может быть ужаснее в этом мире, чем уличение в трусости?

Они ничего не сделают с кампосами и давно свыклись с этой мыслью. Но вот маленький выпендрожник Шимановский, мелкая противная зудящая сошка, – хороший объект для вымещения злости! Злости на самих себя! Я прочитал эту мысль на неприветливых лицах сокурсников и сокурсниц, смотрящих виновато, жалостно, но с зачатками неприязни в глазах, которой только предстоит вырасти в стойкую антипатию ко мне и мне подобным. И желание продолжать спектакль резко пропало.

– А вы говорите: «теорема Лагранжа», сеньор профессор! – подвёл я итог. – Да сдалась она ему, с его-то перспективами?!!

Через силу усмехнувшись, замолчал. Минута. Другая. Все смотрели кто на меня, кто в стороны, и молчали тоже. Наконец Хуан Карлос уронил крышку от своей информационной капсулы, и щелчок её падения вывел всех из состояния ступора. Профессор прокашлялся и сухим нейтральным голосом обратился ко мне:

– М-да, сеньор Шимановский, с фантазией у вас всё хорошо! Я учту это, когда буду спрашивать вас на экзамене. – Его глаза были серьёзными, но ненависти в них не было. Этот человек никого не боялся и смелых людей уважал. Но на экзамене мне действительно придётся туго. За всё хорошее. Он не бросает слов на ветер, тем более в таких ситуациях. – А вы, сеньор Кампос, экзамен вообще не сдадите, если будете неуважительно относиться к моему предмету... – перевёл он взгляд на Толстого. Теперь в его глазах засверкали яркие искры презрения. – И вообще никому не сдадите. Я смогу вам это организовать. Думаю, МОЕЙ фантазии на такое хватит. Итак, продолжим. Мы остановились на том, что...

Я облегчённо откинулся на спинку кресла и увидел в козырьке, переведённом на время в зеркальный режим, отражение перекошенной рожи Бенито. Кажется, сегодня вечером что-то будет.

Спина покрылась мелким липким потом. Я не боялся. Я просто трезво оценивал свои шансы.

В столовой, перед последней парой, я стал центром внимания. Весть о том, как я «опустил» Долорес, только-только облетела все три курса, вызвав ажиотаж, смешки и пересуды, а тут вдогонку пошла новая информация, мой монолог про Кампоса и то, кто и как устроится в этой жизни при помощи папочек. Эта тема была актуальна и тоже распространялась со скоростью молнии. Мне кивали, меня хлопали по плечу, шутливо бросали «Ну, ты, император!» и прочее. Знакомые девчонки весело щебетали, что-то выспрашивая и уточняя про случай в оранжерее (эти были из группировки, находящейся на ножах с группировкой Долорес), смеялись над моими новыми комментариями... В общем, было весело.

Но я отдавал себе отчёт, что это – веселье перед бурей. Если со стороны Эммы и её подруг каверз можно не ждать, то Толстый настроился крайне решительно. Его не было ни в столовой, ни в ведущих к ней коридорах и рекреациях. По крайней мере, я его не видел. Его и всех членов банды, а их в школе более десяти человек на всех курсах, не только в нашей группе. И это плохо.

Уйти с последней пары? Спрятаться? Сбежать? Я уже вышел из того возраста, когда это помогает. Лет в двенадцать этот финт мог спасти от неприятностей, но сейчас будет лишь отсрочкой от неизбежного. Толстый найдёт меня где угодно, надо будет – и на районе выпепит. Только там уже показным избиением я не отделаюсь. Там будет капитально выпускаться пар, методично и целенаправленно. Так что лучше встретить судьбу лицом к лицу, сегодня, здесь, после занятий. Так будет дешевле для здоровья, да и трусом не прослышу. Поэтому я веселился, шутил, кивал и смеялся, понимая, что это ненадолго.

Так и вышло. Они ждали меня в десяти метрах от административной границы школы. То есть за территорией, на которой за драку могут исключить. Десять метров и – бах! Уже не могут. За этой линией драка – проблема гвардии, а не школы.

На последней паре ни Толстого, ни его прихвостней тоже не было. Это о многом говорило, и я настроился. Рюкзак с формой оставил в шкафу, пиджак оставил там же (он больших денег стоит, мы на этот костюм еле-еле денег наскребли), чтобы уцелел. За первозданную сохранность брюк и рубашки не сомневался – после общения с «друзьями» они вряд ли выживут. Жалко, но альтернативы нет: пойду в спортивной форме – засмеют. Козырек навигатора с двумя отражателями-визорами, свою последнюю обновку (которой по праву гордился – вещица не из дешевых!), тоже оставил в шкафу. Галстук. И его можно снять, пятьдесят империалов стоит. Вроде всё. Можно идти.

Вокруг собиралась толпа зрителей. Люди, как бы между прочим, останавливались неподалеку от границы, возле которой кружком стояла бригада Толстого (во весь голос что-то обсуждая и ржа), и «делали свои дела», бросая на банду и на выход из школы нетерпеливые взгляды.

К моему подходу собралось уже человек тридцать. Немного. Однако я вышел одним из первых, не задерживался, иначе было бы больше. Но мне плевать на зрителей, плевать на их количество. Плевать и на уговоры Хуана Карлоса: дескать, иди через чёрный ход, через другой выход. Это не избавит от встречи, а сидеть запершись дома до конца жизни я не могу – как он не может этого понять?

– Удачи, чувак! – На прощание почти тёзка хлопнул меня по плечу, и я пошёл.

Ему драться вместе со мной? Типа друзья? Увольте! Это не та драка, в которой он мне поможет. Нас замесят и вдвоём, и втроём, и вчетвером. (Хотя четверо – перебор, я не смогу собрать такого количества сочувствующих, столько в нашей школе не наберётся.) Так зачем требовать от него бессмысленных жертв? Да и отношения у нас, так сказать... Мы дружим только в школе, и только потому, что больше дружить не с кем. Я не могу сказать, что это товарищ, с которым пойдёшь в разведку, в бой, которому доверишь свою спину. Просто «рабочий друг», приятель по общению и интересам. Хороший пацан, но... Не более.

Так что я, как и в детстве, как и всегда, один против всего мира.

Я смело перешагнул хорошо заметную (хотя и невидимую) черту, разделяющую зоны ответственности. Разговоры вокруг смолкли. Банда развернулась, растягиваясь в цепь, как бы перегораживая путь. Да не собираюсь я бежать, родные! Не собираюсь! Некрасиво это! Можете расслабиться!

Они меня послушались, беря в полукольцо. За спиной оставался единственный выход – вернуться в школу. Но для меня он был неприемлем.

А ещё я молился. Молился богам – покровителям планеты, молился христианскому Богу, в которого верит мать, призывал на помощь Священный Круг – всех, кого только можно, чтобы послали мне мою ярость...

...Я не рассказал о себе главного. То, что я способный, учусь в престижной школе за грант, у меня подвешен язык – это всё мелочи по сравнению с главной моей особенностью. Я – берсерк.

Ярость, безудержная, сметающая всё на своём пути, – моя вечная спутница, моё проклятие и благословение. Проклятие, потому что во время приступа я не контролирую себя, могу сотворить всё, что угодно, а благословение, потому что, подобно берсеркам Древней Скандинавии, иду в бой ничего не чувствуя и не ощущая, на одних звериных инстинктах.

Звериные инстинкты – страшная вещь. Они заложены в каждом человеке, но просыпаются только под действием страшнейшего стресса, шока, и то не полностью, а частично – слишком велики барьеры, выстроенные вокруг них нашим сознанием. Ведь перегрызть обидчику горло, вырвать сердце в пылу битвы голыми руками – это тоже инстинкт. От таких инстинктов надо защищаться как только можно.

У меня нет сдерживающих факторов. Вообще. Когда начинается приступ, я ничего не чувствую, не понимаю, действую, согласно собственной установке, которую даю перед этим. Я пытаюсь достать и достаю противника, невзирая на град ударов в мой адрес, невзирая на физическое состояние. Боль для меня не существует, существует лишь цель.

Это одна из главных причин, почему от меня отстали. Я не сдаюсь, не прогибаюсь... Толстый не из тех людей, которые спускают такое. Он – беспредельщик, для него задавить меня – дело чести, без этого он стал бы в глазах банды посмешищем. Подонки никогда бы от меня не отстали, пока не добились своего, но в порыве последней крупной драки, когда меня

меси́ли скопом за то, что я начал вылавливать их поодиночке (и отправлять в больницу), у меня началось ЭТО.

Самый жестокий приступ из всех, какие помню. Точнее, ничего не помню. Лишь себя, придавленного к земле несколькими телами подонков, бьющегося в конвульсиях; окровавленное лицо одного из них со свисающими лоскутами кожи и мяса, разодранного голыми руками. Ещё одного, всего в крови сплошным слоем, воющего от боли так, как... Даже сравнения с чем-либо не могу придумать, но это было СТРАШНО! Я так и не узнал, что сделал с ним, но моё лицо и рот были в крови.

Ещё бледное лицо третьего, стоящего на четвереньках напротив, через силу, со свистом впускающего в себя воздух, смотрящего вперёд отсутствующим взглядом. И испуганные лица остальных, включая самого Толстого, когда они меня отпустили и ретировались. Да, так и было, отпустили и, пятясь задом, ушли.

Больше меня не трогали.

* * *

Я не знаю, сколько денег мать отстегнула за то, чтобы скрыть мою болезнь, что я даже смог учиться в престижной школе. Она русская, хоть и полячка. О поляках в имперском секторе мало кто имеет представление. Для них мы все – русские, так же как они для нас – латиносы, хотя по отношению друг к другу могут быть венесуэльцами, бразильцами или, скажем, перуанцами, а русские умеют договариваться. Конечно, я серьёзно подозреваю, что ей кое-кто помогал, но это уже другая история, об этом позже. А пока я благодарен ей за то, что она столько лет скрывала мой недуг, и скрывала успешно.

Кстати, тогда подонки ничего никому про приступ не сказали. Видимо, испугались огласки о том, что сама банда великого и могучего Кампоса наделала в штаны и сбежала от какого-то русского. Для них это смерти подобно, ведь меня всего лишь исключат, а их позор остаётся на всю жизнь.

Но сейчас я жажду такой же ярости, как тогда. Я хотел порвать Толстому горло голыми руками. Я хотел его смерти. Его и его дружков, кого достану. И пусть потом вылечу отсюда, пусть никуда не смогу устроиться, буду работать дворником и грузчиком, состоять на учёте в дурке... Я готов! Но эту гниду я сделаю!

...Если только моя единственная и самая лучшая подруга явится...

– Слышь, император! – Вперёд вышел сам Толстый. Ба, какими судьбами? – Слышь, ты! Мы тебя предупреждали, чтобы вёл себя тихо и не выпендривался?

– А кто ты такой, чтобы предупреждать, что мне делать, а что нет? – занял я позицию «рогом в землю». Пока сойдёт.

– Слышь, ты! Русская сволочь! – начал один из холуев, – Чё, приступ немотивированной храбрости?..

Но Кампос его резко одёрнул:

– Тихо! – и уставился на меня пронизывающим взглядом.

Толстый, в отличие от своих тупоголовых дружков, дураком не был. Да, его поведение насквозь пронизано быковатостью, но это – единственный стиль поведения, доступный ему, он с детства привык к нему. Сам же по себе он человек умный и рассудительный. Относительно умный, конечно. Но это вдвойне страшно, учитывая претензии. Он подражает улице, подражает криминалу, оставаясь внутри прохаванным интеллигентом, талантливым управленцем без стыда и совести. Иначе бы не учился в этой школе.

– Слышь, Шиманьский, ну и чего тебе нормально не жилось? Чего тебя всё время на подвиги тянет? – тихим голосом спросил он, оставив в стороне «уличную» браваду.

– Не люблю, когда всякие уроды меня жить учат, Бенито! – честно ответил я, нахально улыбаясь.

Теперь дуэль. Кто не выдержит первым. Проиграю в любом случае я, но цель – дать в рожу Толстому – того стоит.

Я не выдержал. Просто знал, что будет дальше, и потому прыгнул первый. Так у меня есть преимущество первого удара – бью куда хочу и как хочу, правда, при этом теряю моральное право утверждать, что это не я начал драку, ведь получается, что её начал именно я... Но в задницу это право!

Я промахнулся. Удар получился слабее, чем хотелось. На роже у Кампоса останется всего лишь небольшой синяк, да и тот быстро пройдёт. Дальше на меня навалились. Со всех сторон. Я ещё успел нанести несколько ударов, не глядя, в разные стороны, а потом...

...Потом меня долго-долго месили. Били не сильно, не зря же у них был «военный совет» вместо пары. Всё предусмотрели и рассчитали! Но месили колоритно. Ногами, с шикарным замахом. Если бы такие удары проводить в полную силу, я бы уже давно был трупом. Тоже играют на публику, скоты!

Но и так пришлось несладко. Лицо затекло, на губах явственно ощущался привкус чего-то липкого и солёного. Толстый, как и положено лидеру, стоял рядом и что-то говорил «мне». Для толпы, естественно, я его просто не слышал.

...Ярость пришла тогда, когда понял, что проваливаюсь в беспамятство. Но это была совсем не та ярость. По ощущениям она напоминала мне котёночка. Я чувствовал себя эдаким маленьким злым задиристым котёночком, тогда как в день, когда они отступили, был грозным тигром. Даже в беспамятство не провалился – так, немного взревел, вскочил, бросился на Кампоса...

...И повис на руках его дружков.

Они снова навалились – скрутили, вывернули руки, не давая пошевелиться. Я ревел и выл ещё минут пять, что-то орал, но двигаться не мог. И лишь тогда, когда ярость ушла, оставив после себя трясущиеся в судороге конечности и ощущение полного опустошения в душе, когда я безвольно повис на руках, в голос плача, вперёд вышел Толстый:

– Вот видишь, Шиманьский, и на тебя управа нашлась! И ничего ты больше нам не сделаешь! – Он с силой ударил под дых.

Я судорожно задвигал ртом, пытаюсь вдохнуть воздуха, но ничего не получалось.

– Ай-ай-ай! Наш великий император плачет! – обратился он к публике. Я чувствовал, как слёзы текли и текли по лицу безостановочно. Сами по себе, я их не контролировал. – Как работать языком – он герой! Император! А как отвечать за базар – сразу нюни пустил!

Снова удар.

– Может, попросишь прощения? Извинишься? За плохое поведение? А? Я тебя прощу! Чего молчишь?

Толстый подошёл вплотную и наклонился к моему лицу. Дружки ослабили хватку, давая мне возможность наконец-то вдохнуть.

– Давай, Шиманьский, извиняйся! Мы все тебя слушаем! – Затем встал и отошёл в сторону, всем своим видом показывая, в каком он нетерпении.

Унизить меня решил? А вот не выйдет, парниша! Я, преодолевая боль во всем теле, смог выдавить:

– Идддии наааахх...

Толстый взревел, словно раненый бык. Удар. Ещё удар.

Удары посыпались на меня градом! Он бил меня кулаками, как грушу, по корпусу, по лицу!.. Остервенело, осатанело, вымещая накопившуюся злость...

* * *

...Очнулся я на земле, лежа на спине. Надо мной нависал, заслоняя «дневной» свет, Кампос. Вокруг стояли дружки, как бы пресекая возможную попытку убежать. Я же не мог шевелиться, какой там бегать! Даже ползти не мог!

Бенито имел серьёзный вид, серьёзнее некуда. На его лице не было привычной насмешки над поверженным противником. Да, он сегодня победил, но всё ещё меня опасался. Типа уважал, как достойного соперника? Скорее всего. А это хуже, чем если бы презирал, – последствия иные. Медленно, растягивая слова, проговорил:

– Значит, слушай сюда, *Хуанито!* – Последнее слово он выплюнул с издёвкой. – Я сегодня добрый. Живи. Но учти, это – последнее предупреждение. – Он тоже сделал паузу, обернувшись к публике, которой скопилось уже человек шестьдесят. – Ещё один косяк с твоей стороны, и ты больше не будешь здесь учиться! Я слов на ветер не бросаю. Всё понял?

Я многозначительно молчал, показывая этим своё к нему отношение.

– Я тебя предупредил! Всё, пойдём.

Он махнул рукой и пошёл в сторону города. Его дружки, перебрасываясь ехидными шуточками, направились следом.

Толпа, стоявшая вокруг, потопталась ещё некоторое время, глаза на избитого меня, а затем медленно начала расходиться. Через четверть часа вокруг никого не осталось.

Я нашёл в себе силы доползти до стены и облокотился, переводя дух, пытаюсь прийти в себя.

– Ну сколько тебе говорить, *Хуанито*, да не связывайся ты с ними! – Рядом, тяжело вздыхая, присел Хуан Карлос. – Как маленький! Что, трудно было промолчать?

– Ненавижу уродов! – только и смог выдать я. Объяснять что-то такому приспособленцу, как он, бессмысленно. Тем более сейчас.

– Ладно, держи вот... – Он протянул платок. – И вот. – Из его рюкзака появилась бутылка с водой. – Это от Николь. Она сообразительная. Сбегала.

– Та девушка? – оживился я. – Новенькая?

– Забей на неё! На неё виды у Толстого! – убито ответил он, отводя в сторону глаза.

– ?!

– Потом сам всё спросишь и поймёшь. Об этом вся школа знает. – Хуан Карлос снова вздохнул. – Ладно, император, вытирайся и вставай, пошли! Мне тебя ещё до дому тащить, а это неблизко!..

Почти тётка поднялся на ноги и отряхнулся...

Глава департамента безопасности

Её королевскому величеству

Совершенно секретно

Согласно Вашему приказу № 4211084, наблюдение за объектом 528496, кодовое имя Ангелок, продолжается.

За отчётный период новых способностей объекта не выявлено.

Все способности по-прежнему оцениваются как «выше среднего» и «отличные».

Коэффициент интеллекта 120. Замечена равно хорошая усвояемость как точных, так и гуманитарных наук. Склад ума аналитический.

Прогрессируют способности быстро принимать решения, в том числе нестандартные, а также ораторские способности.

Обращаю особое внимание на то, что, несмотря на большое количество способностей с характеристикой «выше среднего», только память и две-три незначительные особенности могут уверенно характеризоваться как «отличные». И нет ни одной, претендующей на оценку «феноменальная» и «гениальная».

Внутреннее состояние объекта оценивается как стабильное, взгляды устойчивые, мировоззрение сформировавшееся. Характер твёрдый, уверенный. Несмотря на то что был замечен в акциях протеста республиканцев, чётких политических взглядов не имеет.

Ни одну из глобальных религий рьяно не исповедует, ко всем духовным течениям относится равно прохладно. Религию матери, католицизм, также не поддерживает.

Физически развит. Продолжает заниматься восточными единоборствами. Специалисты оценивают его состояние как «отличное», но перспективы «умеренные».

Взаимоотношения с окружающими сложные. С матерью – хорошие, хотя немного натянутые. Со сверстниками – неоднозначные: близкие дружеские контакты с ровесниками малочисленны, контакты с девушками с поправкой на возраст умеренные, что говорит об относительной замкнутости объекта, но в пределах порога Лоренца. Также существуют явно конфликтные взаимоотношения с агрессивной группировкой однокурсников на почве иерархии в школьном обществе. Конфликт оценивается в три балла по шкале Рихарда, дополнительных усилий для его погашения со стороны ДБ не требуется. Поведение Ангелка в конфликте оценивается как стойкое, действующего типа, что говорит о его нетолерантности, нежелании избежать столкновений при имеющихся возможностях.

Побочные последствия генетического вмешательства проявляются регулярно, но не часто и в слабой форме.

В данный момент производить вербовочные и иные мероприятия по привлечению к службе не рекомендую.

Приложение

Совершенно секретно

Сестрёнка, для чего тебе эта бездарность? Объект не подходит ни для оперативной, ни для аналитической работы. Ни по одному параметру. Никаких феноменальных способностей за восемнадцать лет так и не выявлено. Уровень хорошего клерка, не более. Считаю данный проект бесперспективным и настаиваю на закрытии.

Алиса.

Её королевское величество

Главе департамента безопасности

Совершенно секретно

Продолжать наблюдение.

Приложение

Совершенно секретно

Алиса, не лезь в чужие дела. Занимайся своими.
Лея.

Глава 3 ИНФАНТА

Хуан Карлос проводил меня до подъезда. Наверх я поднялся уже сам – тело болело, но болело терпимо.

Дома первым делом включил воду и залез в ванну – смыть с себя грязь, кровь и расслабить мышцы. И лишь через полчаса тупого лежания и созерцания потолка в голову полезли первые мысли.

Ну я и дурак! Нет, ну, на самом деле, кто меня всё время дёргает за язык? Что мне мешает жить так, как живут все? Как тот же Хуан Карлос? Ведь эти уроды уже было отстали от меня!

Я что, своим глупым трёпом могу что-то исправить? Изменить жизнь к лучшему? Хорошо, «опустил» Долорес, рассказал всем про «будущее» Кампоса. Что от этого в мире поменялось?

Да ничего!

Эмма не осознаёт, насколько она пала. Её группировка дур считает себя утончёнными гламурными красавицами, которым море по колено. Толстый – бандит и в будущем пойдёт по папиной дорожке. Вообще, все папенькины сыночки пойдут по пути, уготованному им папеньками. А титуляры отправятся на работу куда-нибудь на Меркурий или Луну, где не хватает квалифицированных специалистов, прогниют там несколько лет, отрабатывая контракт на обучение, затем вернутся и начнут строить новую жизнь, уже собственную. И всем хорошо, все рады.

Людам плевать на несправедливость. Это – данность. Такая же естественная, как необходимость чистить зубы по утрам и мыть руки перед едой.

Это – нормально!

«Тогда почему ты, Хуан Шимановский, не можешь этого принять и не выпендриваться? Какая муха тебя кусает всякий раз, когда видишь возможность встрять и поиздеваться над кем-то, вывести дебильные законы Системы наружу? Ткнуть людей в вещи, на которые они давно не обращают внимания?»

Наверное, потому, что это будет означать смирение, что я прогнулся, принял уготованную мне судьбу, – ответило моё «я». – А я не собираюсь ничего принимать! Не собираюсь – и всё! Буду получать снова и снова и снова вставать! Пускай я не стану императором, бред это конечно же, но это не значит, что останусь гнить в тухлом болоте!»

Я выберусь! И стану... Не знаю кем, пока рано об этом, но кем-нибудь серьёзным и важным – точно! И пошли бы все Толстые куда подальше!

На этой оптимистичной ноте я вылез из ванной, переоделся в чистое и побрёл показываться матери на глаза. Та уже пришла с работы и разогревала на кухонной панели ужин.

– Опять? – сухо спросила она, бегло глянув на меня вполоборота.

– Снова! – лаконично буркнул я в ответ.

Она продолжила так же сухо, с легким налётом раздражения:

– И?..

– Разберусь! – выдавил я и сел. Мимоходом глянул в зеркало. Да, фенотип разукрашен великолепно! Будто скульпторы ваяли!

– Ничего не сломали? – В голосе ни грамма сочувствия. Мать вытащила из панели пирог, развернулась и поставила на стол. На лице её не дрогнул ни один мускул.

– Сломали бы – не сидел тут! – в том же тоне ответил я.

– Тогда ешь!

Ели мы молча. У нас с матерью какие-то странные отношения. Возможно даже, что предыдущий диалог покажется разговором двух идиотов... Но на самом деле она очень любит меня, души не чает. Но пытается воспитать из вашего покорного слуги «достойного человека». Такого, за которого ей потом не будет стыдно. В детстве меня это бесило, я плакал, убегал, кричал в лицо: дескать, ты любишь не меня, а своё отражение во мне...

...А сейчас считаю, что только так и надо. Жизнь – тяжёлая штука, и я готов в ней барахтаться только потому, что она своим отношением дала для этого толчок. Нарастила мне каменную шкуру, вложила в руки оружие, силы понять, принять и не утонуть.

Например, сейчас мои сверстники переживают некий возрастной мировоззренческий кризис – им кажется, что вокруг всё плохо, никто их не любит, жизнь – дерьмо. Слушают психотропную и мозгодробительную музыку, протестно одеваются, следуют за какими-то модными молодёжными движениями, чтобы выглядеть «не как все». Кто-то напивается до пороссячьего визга, кто-то глотает НОКС (или экзотические органические наркотики, но это уже кто побогаче). А я вот так не считаю. Ну, про то, что жизнь – не очень хорошая субстанция.

Я считал так лет пять назад и тоже сильно переживал. Зато сейчас знаю это точно: жизнь – самое «оно», и меня стопроцентно никто не любит. Кроме матери. С этим я спокойно живу, не впадая в подростковую депрессию, не пишу грустных стихов и предсмертных записок, не занимаюсь прочей ерундой. Просто жизнь такая, какая есть, и мне в ней надо думать о себе, о завтрашнем дне, а не горевать, как же всё серо.

– Что дальше делать собираешься? – нарушила молчание мать. В её голосе появилась какая-то теплота. Ну, наконец!

– Не знаю. – Я пожал плечами. – Ещё не думал.

– Я тебе сколько раз говорила, не реагируй! Бог с ним, с прошлым! Это всё не важно! Главное – чтобы ты выучился и нашёл хорошую работу! Забудь про меня!

– Это не из-за тебя... – Я виновато опустил глаза. – Не из-за тебя.

– А из-за чего? – сощурилась она. Ага, так она мне и поверила. Если существует человек, знающий меня лучше, чем я сам, то это – она.

– Из-за глупости. Языка болтливого.

– Ясно!

Мать встала и принялась убирать со стола. Я вздохнул и в общих фразах начал излагать события на математике. После моего рассказа она долго стояла, о чём-то думая.

– Ты это так оставишь?

Ой, не нравится мне её тональность.

– А что я могу, мам? – воскликнул я. – Я один, а их – банда! Причём сынков далеко не последних в этой жизни людей, для которых твоя и моя жизнь – ничто!

– Ну, во-первых, зачехлить рога и кулаки! Это – первое! – грубо перебила она.

– Вот, опять! – Я вспылil. – Одни и те же аргументы!

– Я не виновата, что ты такой дурак, не слушаешь эти «одни и те же аргументы» и делаешь всё по-своему! А раз дурак – огребай дальше!

Я замолчал. Сейчас спорить бесполезно. В теории я действительно не прав.

– Ты умнее, вот твоё оружие! Каждый бьёт тем, что у него лучше получается, – закон любой войны! Помнишь, ты готовился в прошлом году к экзамену по военной стратегии? Что ты мне тогда рассказывал? Напомнить?

– Ну!

– У нас хороши лёгкие эсминцы – наш флот в основном из них и состоит. У русских хороши огневые линкоры – пусть попробует вражина подлететь к их орбите! Имперцы делают ставку на истребители – и прекрасно воюют авиацией в космосе! Любая нация одерживает победу только тем оружием, в котором сильна, сынок! Понимаешь? Русские никогда

не нападут на врага истребителями, а имперцы – эсминцами! Их мгновенно порвут! Не ты ли, сидя на этом самом месте, мне всё это втирал?

А сам лезешь кулаками на кулаки! Ведёшься на дешёвые провокации! Когда же ты поумнееешь?

Она назидательно помолчала, вытирая руки краем полотенца. А что я мог возразить?

– У Кампоса хороши кулаки и собственная шайка – это его оружие. А ты бей так, чтобы ни кулаки, ни наличие дружков не могли ему помочь!

– Что, мам? Что можно сделать такого, чтобы его кулаки стали бесполезны? Тебе легко говорить, а когда это свинячье рыло ржёт в метре от тебя, отчего-то ничего в голову не лезет!

– Вот я и говорю: дурак ты! – подвела итог мать. – Оттого и не лезет!

Тут я разозлился не на шутку:

– Мам, что бы я ни придумал, какую бы подставу ни сделал, он всё равно выкрутится! Его не исключат из школы! А меня они потом вычислят и встретят! Ясно тебе?!

Мама лишь мило улыбнулась и пошла вон из кухни.

– Я тебе уже всё сказала. Дальше – сам. Не маленький, голова на плечах есть. Кстати, сегодня пятница, у тебя тренировка. Не забыл?

Пока я ехал по подземке, в голову лезли разные коварные планы мести, один страшней другого. И так же быстро улетучивались под действием бронебойных аргументов реала. Я пылал от гнева, но гневом нельзя убить. И даже покалечить.

Трагедия заключалась в том, что все мои усилия что-то сделать бесполезны.

Когда меня избили первый раз... (нет, вру, второй, после первого я не успел ничего придумать), я решил мстить им поодиночке. Через преподавательский терминал (в который залез незаконно, за такое отчисляют не разбираясь) узнал кое-что о месте жительства некоторых членов банды. Кое-что выяснил через пацанов на районе и знакомых в самой школе. И встретил их. Трех. Одного за другим. Больше просто не успел. Бил сильно, без жалости, одному свернул челюсть, двое надолго слегли с ЧМТ...

...Закончилось всё тем, что меня чуть не убили. И убили бы, если б не тот приступ ярости. Ведь, встречая их поодиночке, я стал представлять угрозу их единству, организации, авторитету лидера, а для стаи это вопросы жизни и смерти.

Тогда я выжил. Но теперь подонки подготовились. Они знают, что приступ приступу рознь и я не всемогущ, меня можно положить, навалившись всеми и сразу. Не играть, как они обычно делают с жертвами, выходя по очереди, по два-три человека, загоняя жертву до полусмерти, забивая постепенно, красиво, с удовольствием, а тупо валить на землю и давить, чтоб не мог пошевелиться.

Да, я могу снова встретить пару-тройку из них. Подкараулить, отправить на продолжительное лечение. Но, во-первых, самого Толстого таким образом я не подстерегу, его охраняют папенькины дуболомы. А остальные – шушера, которая мне в общем не сильно мешает. Во-вторых, меня встретят после второго или третьего же контакта, мир слишком тесен, чтобы мы с Толстым в нём разминулись. И на сей раз меня убьют, даже не станут делать инвалидом. И это плохо.

Тренировка прошла вяло. Тело болело и не могло выдать из себя даже половины обычно возможного. Пацаны смотрели на меня и художества на лице косо, с недоумением. Тренер покрикивал на всех, как обычно, но в целом меня почти не трогал, проявляя сочувствие.

На спарринге он занялся моей персоной лично, проверяя удары. И вроде бы остался доволен, хотя печать лёгкого сочувствия на лице осталась до конца занятия.

Когда все пошли в душевую, я зашёл к нему в каморку:

– Можно?

Тренер кивнул на стул, стоящий в углу, возле стола, а сам сел на микроскопический диван напротив. Диван, стол, на котором покоился ржавый электрочайник, и стул – это всё, что помещалось в маленькой комнатухе. Ну, ещё шкаф с четырьмя кубками наверху, которые выигрывала наша спортивная школа в различных состязаниях в прошлом. Не много, но в масштабах планеты и не мало. Я сел.

– Сеньор тренер, можно вопрос... Немного щекотливый?

Тот закинул ногу за ногу, смотря на меня с нескрываемым интересом. Он относился ко мне лучше, чем нейтрально, но в любимчиках я никогда не ходил.

– Насколько я понимаю, «щекотливый» – значит, по поводу украшений?

Я потрогал синяки на лице.

– В общем, да.

– Хм... Ну и чем могу помочь?

– Их много, сеньор тренер! – сразу выпалил я. – Человек десять! Они наваливаются все сразу, и я ничего не успеваю сделать! Все эти приёмы, которым нас учат, – чушь собачья! Это для одиночных маханий руками и ногами с одним-двумя, максимум тремя противниками! Возможно, для татами или ринга! Но не для боя с десятком-полтора отморозков!

– И что ты предлагаешь? – снова усмехнулся он. – Не учить тебя «маханиям руками и ногами»? А чему учить? Бальным танцам?

Я смутился:

– Нет. В смысле, учить... – Я аккуратно подобрал слова. – Мне нужно научиться драться против нескольких противников одновременно. Такая техника ведь есть! – Я скорее утверждал, чем спрашивал.

Тренер молчал, лишь напряжённо смотрел мне в глаза, думая о чём-то своём.

– Мне не надо владеть ею на уровне костолома, крутого убийцы, спецназовца. Мне нужны только азы, чтоб защитить себя! Самое начало, базовые навыки, ничего более! Вы можете помочь?

Тренер думал долго. Налил из чайника в стакан воды, выпил. Затем поманил меня пальцем.

– Шимановский, слушай сюда... – шёпотом произнёс он почти в самое ухо. – Ты вроде обычный пацан, не провокатор, не стукач, только поэтому я с тобой разговариваю. – Он с опаской посмотрел на дверь и так же шёпотом продолжил: – Ты прав, такая техника есть. Именно для такой вот борьбы, когда их много и наваливаются сразу. Но...

Тренер тяжело вздохнул, словно борясь с собой – говорить или не говорить. Наконец решился:

– Но изучают её только в элитных подразделениях спецназа. Или в армии, но тоже в спецназе. Любое иное преподавание подобных дисциплин преследуется по закону. И преследуется жёстко, вплоть до физического уничтожения ренегата. Ты меня понял?

– Но, сеньор тренер!..

– Я сказал, Шимановский!!! – повысил он тон. – Такую технику изучают только бойцы элитных подразделений! Они, и только они! За пределами войск специального назначения её преподавание карается смертью! Её знание – само по себе оружие, а её величество не любит, когда кто-то использует *её* оружие не по назначению! Что, не ясно?

Я обречённо вздохнул. Наш тренер – очень крутой мужик. Как раз из того самого элитного подразделения. (Мы грешим на военную разведку, но по понятным причинам правды не знает никто, да и вообще об этом все предпочитают помалкивать, и пацаны, и другие тренеры.) И кто я такой, чтобы он подставлялся, преподавая мне запрещённую к использованию технику, да ещё зная, что я собираюсь с её помощью дубасить мальчишек в школе?

– Вот-вот, Шимановский! То-то и оно! – подтвердил он мои мысли. – Поэтому, если хочешь её изучить, тебе нужно сначала выучиться в средней школе, затем отслужить хотя

бы два года по армейскому контракту, и лишь после этого написать заявление о переводе в войска специального назначения.

– А раньше никак нельзя? – поднял я умоляющий взгляд. Я знал, что напрасно, тренер не пойдёт навстречу. Он и так показывал мне раньше кое-что из не совсем легального арсенала, по доброте душевной. Но то – помощь полюбившемуся ему неудачнику постоять за себя, а то, что ему предлагаю я (точнее, прошу), – уголовное преступление. Даже не уголовное, а военное, что гораздо хуже.

– Можно, – неожиданно кивнул тренер и усмехнулся. Подлым таким смешком. – Если покажешь достаточно хороший уровень, я напишу тебе рекомендацию. Чтобы тебя изначально взяли в спецвойска. Чтобы не пылиться два года в обычной казарме. Тебе до этого уровня осталось не так много, чуть нажми на занятия и... Я помогу!

Всё ясно. Надежды нет. И перспектив в этом направлении искать не стоит. Если уж отказал тренер, относящийся ко мне более чем хорошо, другие просто меня пошлют.

– Спасибо, сеньор тренер. Я пойду?

– Да, иди, Шимановский! – Тренер вздохнул с видимым облегчением.

Я его прекрасно понимал.

Когда я уже стоял в дверях, меня настиг его окрик:

– Шимановский!

Я обернулся. Лицо тренера было извиняющимся, каким-то неуловимо виноватым.

– Этому правда учат только в элитных частях.

– Да, я понял. Извините, что побеспокоил.

– Не за что. Всегда рад помочь, если могу. Тебе же только посоветую больше заниматься. Вот в этом можешь на меня рассчитывать.

– Спасибо, сеньор тренер! – Я грустно усмехнулся. – В моём случае тренировки не помогут.

И в подавленном настроении поплёлся в душевую.

Летучка мне не понравилась.

Начать с того, что народу там было много, несколько сот человек, при этом «идейных», вроде нас, – единицы. Основная масса – тупые «кивалы» – зашибающие деньгу студенты столичных вузов. А что, время свободное есть, глотка, чтоб поорать, в наличии, желание кулаками помахать – тоже. Дай таким «героям» выпивку и пару десятков имперIALов на рыло, они тебе не то что летучку, революцию организуют!

«Кивалы», как и следовало ждать, оккупировали все козырные места, откуда хорошо видно, и, не стеснясь, орали, не давая послушать, что там с импровизированной трибуны говорят. Пиво при этом лилось рекой – даже нам с Хуаном Карлосом перепало, на халяву, как «своим». Хотя сомневаюсь, чтобы эти ребята за него платили из собственного кармана.

На мои длительные и настойчивые расспросы, что же за законопроект такой приняли, никто из поддавших студентов ответить не смог. А когда я прицепился с этим в десятый, наверное, раз, мне, «проклятому либералу», грубо посоветовали идти подальше.

Я и пошёл. Подальше. От разгорячённой, доведённой до кондиции толпы. Схватил за локоть Хуана Карлоса и потащил поближе к трибуне. Не для того я угробил субботнее утро, чтобы так просто отступить! Уж что происходит-то, обязан выяснить?

Хуану Карлосу было откровенно стыдно. Шёл за мной молча, не сопротивлялся, чувствуя неловкость. Он рьяно болел за дело республиканской партии, и такое свинство...

Я его понимал. Действительно, такие придурки редко участвуют в акциях. Это показушники, их привлекают, когда надо попиариться перед прессой. На моей памяти подобное происходило в первый раз. Кстати, вон и пресса собственной персоной. Стоят в сторонке, через улицу, журналюжки рожи, все как на подбор наглые, хитрые...

Итак, эта летучка запланирована специально для них, прикормленных журналюг, чтобы поведали стране, какой наш сенат плохой, принимает нехорошие законы и как возмущается праведным гневом «народ». Тут уж неловко стало мне.

– Хуанито, пойдём отсюда! – потянул меня в сторону товарищ по несчастью, проорав прямо на ухо, пытаясь перекричать подвыпившую ватагу «республиканцев».

– Пока не выясню, что там за хрень и по какому поводу праздник собрали, никуда не пойду! – жёстко отрезал я. И попёр, орудуя локтями. Друг вздохнул и двинулся следом.

Возле самой трибуны оказалось потише – тут стояли «идейные». Можно было расслышать слова, что орал в громкоговоритель старый дядька с лицом профессионального мошенника. Точнее, политика. Впрочем, это одно и то же. Рядом с ним полустояло-полулежало нечто, напоминающее...

– Ого! Реально, гроб! – офонарел Хуан Карлос. Я тоже удивлённо присвистнул.

Трибуной служил серый старенький бронированный «фуэго» планетарного класса с плоской крышей, на которую был водружён настоящий гроб, положенный одним концом на возвышение, чтобы толпе было видно выведенное золотыми буквами огромное слово «ДЕМОКРАТИЯ». Рядом, с другой стороны от оратора, стоял лысый тип в чёрном балахоне и что-то заунывно напевал медленным речитативом. Нечто, наподобие молитвы за упокой, только не культовой, а переделанной под «нужды партии». Большая часть людей, стоящих перед трибуной, тоже была в балахонах и подпевала ему таким же заунывным и нудным речитативом. В руках держали горящие парафиновые свечи.

М-да, ничего себе шоу отгрохали!

Некоторых, стоящих перед трибуной, я знал – встречались по прошлым акциям протеста. «Идейные». Их было не так много, как «кивал», несколько десятков, но большая часть камер была направлена именно на них; студенты же служили массовой, фоном, который будет почти не замечен после монтажа сюжета.

Из-за шума я плохо слышал слова «молитвы». Было там что-то наподобие «как нам хорошо жилось с тобой, родная демократия», «как плохо будет без тебя» и «на кого ты нас покидаешь». Действительно, на кого ты их покидаешь, сирых и убогих? Убогих в прямом смысле слова, морально, без кавычек! И это они называют продвинутой летучкой? Кому и что они демонстрируют? Кого хотят привлечь на свою сторону?

Возможно, это задумывалось как нечто смешное. Как минимум весёлое. Но мне весело не было. И тем более смешно. Устроители действа – явные психи!

Хуан Карлос стоял рядом, стиснув зубы, перебирая в руках две большие свечи, держа под мышкой два чёрных балахона. Теперь понятно, для чего они ему! А то всё: «Потом объясню, потом объясню...» Судя по растерянному выражению, ему тоже было не слишком весело.

Конечно, это смотрелось бы прикольно, если б присутствовали лишь «идейные», без «кивал». Но не показывать же на всю страну три-четыре десятка придурков, хоронящих демократию в траурных одеждах? Кто на это поведётся? Кого проймёт? Покрутят зрители пальцем у виска, скажут: «Есть же шизы на свете!!!» Интересно, но несерьёзно. А вот акция протеста оппозиции с несколькими сотнями молодых людей – это да! Это то, что попадёт на первые полосы!

Но вот всё вместе – и массовка, и театрализация – глупый бездарный фарс!

– Пойдём отсюда!

Хуан Карлос, мрачнее тучи, тянул меня за рукав. Я ему сочувствовал. Он искренне верил этим людям, верил в идеалы республики. Будет ли верить теперь? Не могу сказать. Наверное, будет. От единичного провала трудно изменить устоявшееся мировоззрение. Но какой-то бой в его душе сегодня произойдёт.

– Щас, погоди!

Я всё же решил досмотреть действие хоть до какого-нибудь логического завершения и медленно, шаг за шагом, начал протискиваться ещё ближе.

– Долой правительство Торреса!

– Да здравствует свобода!

– Смерть либералам и олигархам! – кричали сзади.

Студенты, похоже, не знали, ради чего их собрали, что надо кричать и что делать, а потому выкрикивали стандартные привычные лозунги и потрясали свеженькими баннерами, порою идущими вразрез с текстом кричалок.

Например, «Покойся с миром!», «Мы тебя не забудем!», «Ты навсегда останешься в наших сердцах!»... И тут же возгласы: «Смерть либералам!» и «Долой правительство!»!

Я был уже почти у «трибуны», когда долгожданная развязка наконец наступила.

С другой стороны площади послышался рёв двигателей, затем из боковой улицы, одна за другой, вылетело несколько машин и остановилось. Ближе всех к толпе демонстрантов подъехал миниатюрный ярко-синий «инспирасьон» в окружении двух огромных, словно монстры, «либертадоров» – летающих бронированных убийц, используемых всей планетой в качестве транспорта для охраны. Убийц, потому что такая машина может раздавить своим весом даже лёгкую машину планетарного класса, не говоря уже о купольных. Набрав же крейсерскую скорость на форсаже, в состоянии пробить планетарный шлюз.

«Инспирасьон» говорил сам за себя. Тачка, стоящая десятки и десятки миллионов, если не сотни. При малом весе практически так же прочна, зато скорость её... Сравнима лишь со скоростью боевого истребителя! Такие по карману только магнатам, тем самым представителям ста семей, владеющим большей частью планеты. Крупная шишка пожаловала, да с охраной!

Я оказался почти прав. Ну, насчёт охраны – точно. Из обоих «либертадоров» выскочило человек двадцать громил в лёгких чёрных доспехах с глухими забралами без опознавательных знаков, вооружённых армейскими иглометами. Громилы стали в полукруг, оцепив часть площади, не подпуская никого к машинам. Из «инспирасьона» же весело высыпало... человек десять молодых людей! И как там только поместились?

Шикарно одетые молодые юноши и девушки. На мой теперь уже намётанный взгляд, любой предмет их гардероба стоил как годовая зарплата моей матери. Они смеялись, некоторые держали в руках бутылки, к которым периодически прикладывались. Золотая молодёжь! Причём золотая без кавычек! Приехали развлекаться? Поглазеть на «похороны демократии»? Ну да, этим всё можно и любое море по колено! Однако как бы чего не вышло...

Мои опасения разделили почти все, находящиеся на площади. Студенты сзади резко смолкли, кричалки оборвались, щиты опустились. «Молящиеся» тоже заткнулись, как и их лысый предводитель, вместе с сенатором. Повисла гнетущая тишина. Камеры журналюг, вяло снимавших ход безликого фарса, резко оживились, чувствуя напряжение и предвкушая неожиданную острую развязку. Воздух вокруг неумолимо накалялся.

– Эй вы, там, слезайте! – выкрикнул один из приехавших парней – высокий, крепко сложенный тип с длинными русыми волосами, собранными сзади в хвост. В руке он держал початую бутылку с пойлом, судя по названию стоящим целое состояние. Красавец, весь из себя, природа не обделила его внешними данными. Правда, красота какая-то слащавая, не мужественная, но именно такие пользуются бешеным успехом у противоположного пола. Высокий, мускулистый, уверенный в себе... Сын Аполлона, блин! Ненавижу таких!

Судя по всему, он был главным в компании приехавших. Окружающие кучковались вокруг него, ловя каждое слово, копируя движения и реакцию на «раздражители». Чем-то мне эта компания отдалённо напомнила банду Толстого.

– Слезайте, обезьяны! – продолжил парень и засмеялся.

Вокруг раздалось дружное пьяное ржание. Воздух на площади «покраснел». Я почувствовал непреодолимое желание окружающих, особенно небогатых и злых студентов, подправить этому типу его наглую рожу. Но всех сдерживал грозный вид охранников, сжимающих в руках оружие. Не огнестрельное, не пневматическое, как у обычной частной охраны, а боевое. Один игломёт способен за секунду покрошить в фарш десятки человек, а их тут множество. Их величества давным-давно даровали знати такую привилегию – вооружённую боевым оружием охрану – много-много лет назад, чем те с удовольствием пользуются. И эти безликие парни, прошедшие горнило армии, бесчисленные горячие точки в разных уголках Солнечной системы, будут стрелять без колебаний. Им за это платят. А народ?.. Что для аристократии народ? От власти откупятся, построят за свой счёт для казны несколько крейсеров и эсминцев, пострадавшим выдадут компенсации... А жизнь не вернёшь!

Вдруг из машины позади «сына Аполлона» вылезла девушка с большой канистрой в руке. Золотая молодёжь расступилась, пропуская её вперед. За эту девушку невольно цеплялся взгляд, от неё исходил некий ореол власти: вроде ничем от остальных не отличалась, но чувствовалось, что она привыкла командовать окружающими. Какая-нибудь юная герцогиня, наследница главы одного из ведущих кланов, не меньше. Даже длинноволосый при её появлении сменил выражение лица с хамовато-властного на влюбленно-заискивающее и принялся что-то объяснять, кивая на «фуэго».

Девочка выслушала, согласно кивнула и направилась в сторону «трибуны», распахивая собравшихся вокруг зевак.

Охрана, человек пять, ломанулась следом, орудуя прикладами для убедительности, так что перед фифой мгновенно образовалось некое подобие людского коридора.

Пожалуй, стоит описать её подробнее. Молодая шатенка с распущенными волосами ниже плеч, посеребрёнными по последней моде неформалов разноцветными блестками. На вид лет двадцати трёх – двадцати пяти, то есть немного старше меня, но я тем не менее засмотрелся. Было в ней что-то, вроде аристократическое и в то же время... притягательное! Увидь я её в обычной жизни, то есть не будь она представительницей знати, обязательно бы попытался познакомиться. Если длинноволосый вызывал стойкую антипатию, то к этой милашке подобного чувства не возникало, хотя она из той же прослойки общества.

Несмотря на ореол власти, на фоне расфуфыренных друзей и подружек одета девчонка была скромно. Простые серые брюки и светлая искрящаяся блузка, завязанная на пузе узлом. Вот и весь туалет. Но и этот наряд был от самых модных кутюрье, стоимость его измерялась... несколькими нулями! Накрашена тоже неброско – эдакая природная красота, подчеркнутость родных бледных линий. Чтобы так уметь одеваться и краситься, надо иметь определённый вкус и талант: одна моя знакомая как-то призналась, что в плане макияжа сложнее всего придать лицу естественный цвет, а в плане одежды – одеться так, чтобы выглядеть скромно. Девочке удалось и то и другое.

Пока я на неё пялился, она приблизилась к «трибуне» и с грацией кошки одним ловким движением (в котором угадывались ежедневные многочасовые тренировки) запрыгнула на немаленький броневи́к. Толпа молчала, теперь уже с интересом. Лысый с крыши как-то незаметно исчез, сенатор же стоял и сверлил её глазами. По лицу его было видно, как он относится к ней и ей подобным, но достоинство сенатора не позволяет связываться с соплячкой. Его взгляд был полон вынужденного уважения – дескать, ты круче меня, маленькая дрянь, но ты тут никто и концерт мне не испортишь. И ещё, кажется, он её боялся.

Девчонка внимательно осмотрела гроб, обошла его кругом, протиснувшись между ним и сенатором, чуть не столкнув того с крыши, затем подняла руки вверх и воскликнула, обращаясь больше не к толпе, а к нацеленным на неё камерам крыс от пера:

– О Великая и Справедливая демократия! Ты была с нами долгие-долгие годы! Но теперь пробил час, и настал твой черёд покинуть эту обитель, оставив нас сиротами на грешной земле!

Нам будет не хватать тебя, о Великая! Прости же нам обиды наши, мы же отпускаем тебя с миром, простив все обиды твои!

Обещаю! Мы будем вечно помнить твои идеалы! Да будет так и во веки веков! Клянёмся!

Нестройный удалой рев голосов возле «инспирасьона» дружно рывкнул: «Клянёмся!»

– Надеюсь, в мире ином тебе будет лучше, чем здесь, с неблагодарными нами! Покойся с миром!

После этого один из охранников передал ей канистру. Девчонка бодренько свинтила крышку и облила гроб вонючей жидкостью с разных сторон. Я стоял недалеко и почувствовал едкий запах – какая-то резкая органика.

– Гори ты огнём, о мать Греха и Разврата, сестра Лжи и Падения, Убийца Свободных народов! – пафосно проголосила девчонка, затем в её руке вспыхнул огонек зажигалки. – И никогда больше не воскресай на этой планете! Аминь!

Через секунду гроб полыхнул. Весело и игриво. Пламя – первое весёлое нечто во всём этом фарсе. Сенатор, заблаговременно спустившийся с «трибуны», как только запахло органикой, что-то возмущённо говорил «братьям по разуму» с той стороны машины. Девчонка же, склонив голову, стоя рядом с горящим гробом, прочла христианскую молитву «За упокой» громко, на латыни. Моя мать – католичка, так что подобные вещи я знаю. В толпе раздались гневные возгласы, запахло жареным (теперь уже в переносном смысле). Охрана возле «фуэго» выставила стволы на всеобщее обозрение, намекая, что они – ребята серьёзные. Но никто из собравшихся не дёрнулся, все ограничились криками. Девчонка же, показно игнорируя происходящее, дочитала молитву, произнесла финальное «Амэн», неспешно левосторонне перекрестилась, затем спрыгнула с машины и в сопровождении тут же окруживших её охранников невозмутимо пошла назад, к «инспирасьону».

Как-то так получилось, что я оказался у неё на пути. Люди вокруг раздались в стороны, а я зазевался. Ну, разиня!

Девчонка остановилась прямо передо мной и подняла удивлённые глаза. Секунды три мы молча смотрели друг на друга. Затем она улыбнулась и кивнула мне за спину:

– Можно?

Я пожал плечами и посторонился:

– Конечно!

Проходящий мимо вслед за хозяйкой охранник легонько толкнул меня игломётом в толпу, как бы намекая, что я волею случая избежал очень серьёзных проблем. Я был солидарен с ним, но классовая ненависть к знати, усилившаяся сегодня, почему-то не коснулась этой юной приколистки.

Через минуту «инспирасьон» со смеющейся молодёжью, в сопровождении машин охраны, умчался вверх по улице Свободы. Люди вокруг молча пожирали глазами пылающий гроб, столб чёрного дыма, поднимающегося к вытяжкам на куполе сверху, переводили недобрый взгляд в сторону укативших транспортов и... вздыхали.

Лишь через несколько минут зазвучали первые вялые крики возмущения и угрозы всемирного потопа «проклятым олигархам». Ясное дело, парни с игломётами далеко, теперь любой может угрожать!

В толпе началось хаотичное движение. Сенатор куда-то исчез, обозначив этим, что шоу закончилось, и люди стали постепенно расходиться, смакуя произошедшее.

– Слышь, а чего её никто не остановил? – толкнул я в плечо стоящего с обалделой рожей почти тётку.

– А? – не понял тот.

– Говорю, почему её никто не остановил? Не преградил дорогу? Здесь же и сенаторы присутствовали, и народу до чёрта? Ну, не стали бы они стрелять в толпу ради хулиганской выходки! Развернулись бы да и уехали!

– Да кто б им дорогу перегораживал? Ты чего? – покрутил пальцем у виска Хуан Карлос.

– Ну, сенатор – человек не простой, политик не из последних! Попёр бы на неё, вышвырнул назад, к этим мразям, вместе с канистрой! И ничего б она ему не сделала! И пацаны бы подключились, дорогу перегородили, они же умеют! А этот хмырь стоял перед какой-то девчонкой, как суслик перед коброй! Дерьмо! – Я сплюнул. – И народ ваш – такой же!

– Ты что, не понял, кто это был? – ошеломлённо уставился Хуан Карлос.

– Да какая разница кто?! – Я усмехнулся и пожал плечами. – Пусть даже герцогиня какая-нибудь! Или графиня! Да хоть сама Сильвия Феррейра! Что это меняет?

– Графиня! Герцогиня! – перекинул меня Хуан Карлос. – Сам ты Сильвия Феррейра! Дурак! Инфанта это была! Наследница престола!

Глава 4

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

– А тот типчик слащавый – юный герцог Феррейра, Себастьян. Это к слову об их клане...

Следующие пару минут я стоял с отвисшей челюстью. Сказать, что я был поражён, – ничего не сказать. Я был **ОЧЕНЬ** поражен!

Тут же вспомнился дон Алехандро со своей теорией возможности невозможного. А также то, КЕМ он сватал мне статью, приводя в пример одного бывшего русского бухгалтера. Сразу после этого разговора, на следующий же день, встретить наследницу собственной персоной? Вот и не верь после этого в судьбу.

Я, на мгновение прикрыв глаза, вспомнил её взгляд – чистый и незамутнённый. «Можно?» Она могла оттолкнуть и пройти дальше, а охрана бы завершила мой полёт, удлинив его траекторию на несколько метров. Но нет, остановилась. Перед наглцом республиканцем, заступившим дорогу.

– Эй, братишка, с тобой всё в порядке? – откуда-то издали раздался голос Хуана Карлоса.

Я открыл глаза.

– Вроде!

– Забудь о ней! Она не для тебя! – похлопал он меня по плечу.

– Чего? – не понял я.

– Я говорю, забудь о ней. Это не нашего полёта птица.

– А с чего ты решил, что... – Я осёкся. В точку.

Mierda!

– Румянец убери! Раскраснелся, аж фингал не видно. И улыбочку свою тупую спрячь.

– Что, так заметно? – Я попытался выкинуть из головы лишние мысли. Не получалось.

– А то! Ладно, пойдём отсюда.

Он потянул меня за рукав, я не сопротивлялся. Толпа поредела, студенты почти все ушли дружной, поделённой на небольшие группы толпой. «Идейные» потихоньку сворачивались и следовали их примеру. М-да! А ведь если отбросить личное и задуматься серьёзно, политическая подоплёка произошедшего должна взорвать новостные каналы. Инфанта! Будущая королева! Сожгла муляж-гроб республиканцев, кремируя «демократию»! Девчонка твёрдо наметила курс, которого будет держаться в будущем, и ясно всем дала понять, где видала попытки ей помешать.

«И никогда больше не воскресай на этой планете!» А ведь лихо получилось! Мало того что республиканцы сами себя подставили гнилой организацией акции и шизофреническими новациями, так под занавес явилась она на сияющем коне и добила, втоптала в грязь. Я абсолютно точно знаю, на чьей стороне будут симпатии жителей королевства, когда они увидят в новостях и сетях сегодняшнее шоу. Её высочество отжигает.

– Ладно, давай! – пожал руку мне почти тёзка у входа в метро. – Всё-таки ты молодец! Один из всей этой кофлы, да ещё не будучи нашим, а так, любителем, заступить дорогу инфанте!

Я рассмеялся:

– Это же случайность. И я не знал, кто она такая.

– Твоё счастье! Дуракам везёт! – Он подмигнул. Я не обиделся. – Но со стороны выглядело всё круто, поверь! Бьюсь об заклад, наши тебя после сегодня зауважали.

– Да не сделал я ничего такого! И с дороги сошёл, как только она попросила...

– Угу! «Попросила»! – перекинул он. – Именно что попросила! А не потребовала! И все это видели! Хуанито, опять ты не въезжаешь. Преградить дорогу наследнице Веласкесов, находясь в толпе республиканцев? Да ещё тогда, когда один из их шишек включил заднюю? Обосрался на всю страну? Это не символично, это именно круто, чувак! Всё, давай, увидимся в понедельник! – Почти тёзка развернулся и побежал в вестибюль к турникетам.

Я какое-то время постоял на месте, переваривая его слова, придя к выводу, что да, смотрелось это круто, затем тяжело вздохнул и развернулся в сторону Центрального парка. От площади Свободы до него всего несколько кварталов, а такое милое субботнее утро располагало к созерцанию и размышлениям.

До парка я дошёл быстро. Медленно побрёл по аллеям и оживлённым дорожкам, по которым гуляли горожане. Время клонилось к полудню, люди начали выбираться из своих берлог, чтобы отдохнуть с семьёй. Везде сновали дети, там и сям виднелись небольшие, пока ещё полупустые кафешки, на каждом перекрёстке располагались продавцы мороженого, сладостей и прочей стандартной дребедени, без которой не может обойтись ни одна зона отдыха в Солнечной системе.

Центральный парк – это не просто гигантская рекреация. Это свой мир, со своими правилами и законами. Он находится почти в центре городских купольных нагромождений и транспортных пересечений, являясь своего рода сердцем города. Именно отсюда начинаются все радиальные перекрытия районов, огромные железобетонные стены, которые способны выдержать прямое попадание тактической ракеты или обстрел главного калибра линкора с орбиты. Стены в целях безопасности делят город на самостоятельные автономные районы, отделённые друг от друга тяжёлыми планетарными шлюзами, а между районами проходят магистрали, тоннели, хорды и прочая связующая скоростная инфраструктура.

И каждый из секторов-районов имеет выход к Центральному парку, независимо от того, богатый он или бедный. Это задумывалось в своё время для того, чтобы подчеркнуть равенство всех слоёв населения перед короной, обеспечить право на доступ к свежему воздуху всем, от аристократов и менеджеров до шахтёров и дворников. Конечно, время внесло свои коррективы: столица росла невероятными темпами, и хотя сразу строилась с огромным запасом вместимости, расчётом на рост, но вобрать в себя тридцать миллионов человек и несколько миллионов приезжих – это чересчур для любого проекта.

Город строился, создавались новые купола, новые районы, уходя всё дальше и дальше от парка. В этих районах и живут ныне малообеспеченные; земля в центре в наши дни стоит столько, что ни о каких бедных кварталах вокруг рекреации речи нет.

Всё в мире для богатых. Так было всегда и везде, и так будет. Это тоже закон, который не преодолет и самый добрый мудрый правитель. Хотя идея интересная, и основательницу города, королеву Аделлину, простые люди вспоминают с теплотой до сих пор.

Говорят, первое дерево в основании парка посадила она же. Это было после обретения независимости, когда полностью уничтоженную Альфу решили не восстанавливать, а отстроить заново. Есть легенда, что её, первую правительницу, спросили: зачем возводить такие огромные пространства, несколько квадратных километров, для выращивания никому не нужных деревьев? Ведь это должен был быть самый большой купол в мире, его возведение будет стоить разрушенной экономике государства колоссальных средств! На них можно снарядить целую эскадру, или вложить их в восстановление промышленности и инфраструктуры. Аделлина ответила вопросом на вопрос: а для чего нужны эти корабли? Кого они будут защищать? Для чего нужны дороги, шахты и заводы? Что и для кого они будут производить?

Создать промышленный рай для удовлетворения нужд богатых и создать человеческий рай с нормальными условиями жизни для простых людей – это совсем разные вещи. Люди гораздо более охотно будут сражаться и умирать, зная, что за их спинами, рядом с

их домом растёт дерево, а недалеко от их квартала детская площадка. Следовательно, они нужны стране, они – не тупое быдло, мясо, используемое государством и правящими им богачами для набивания карманов. За такое государство умереть не страшно, а почётно. А за страну, которая только отнимает, ничего не давая взамен...

Жители такой страны или разбегутся, если есть возможность, или будут ненавидеть власть, и государство в конце концов рухнет. Жаль, что последующие правительницы забыли эту прописную истину, и почти все известные мне объекты, созданные для народа, имеют примерно столетний возраст.

Я нашёл известную мне примету и отклонился от основной аллеи, свернув на маленькую тропку. Мне требовалось спрятаться – уйти подальше от суеты и спокойно поразмышлять, наслаждаясь таким ценным за пределами Земли ресурсом, как свежий воздух. Со вчерашнего дня произошло слишком много событий, требующих детального рассмотрения. Да и фиолетовый отлив под глазом не располагал окружающих к милому ко мне отношению. К чему нервировать людей?

Вот и озеро. Небольшое, искусственное, как и всё здесь. Но искусственность его подчёркивалась торчащими из кромки береговой линии кусками бетонных плит и арматуры. Это дикое место, своего рода изнанка парка, техническая часть. Озеро – лишь головное водохранилище для довольно разветвлённой водной системы рекреации. Деревья, трава и кустарники вокруг имели запущенный вид, поскольку сами они здесь дикие, самосад, никто за ними не ухаживает. То, что мне надо.

Отдыхающие работяги, количество которых к вечеру вырастет до сотен тысяч, займут в «обжитой» части парка почти всё свободное пространство, а здесь будет так же тихо. Люди не ходят туда, где нет лавочек и торговых точек, где трава колюча, а деревья и кустарники представляют собой дебри и буреломы. Лишь жмущиеся друг к другу парочки заглядывают сюда с регулярной периодичностью, с целью подальше от любопытных глаз удовлетворить физические потребности друг в друге, да редкие служители парка спешат мимо по делам.

Спустившись к пахнущей сыростью и тиной воде, я сел прямо на траву и принялся раскладывать имеющийся в голове багаж по полочкам.

Итак, принцесса. М-да, заступил дорогу инфанте! Пусть случайно, пусть не догадывался, кто она, – этого действительно никто не знает. Пусть сразу ушёл в сторону, но ведь она *остановилась!*

Моя самооценка, сильно упавшая после вчерашних событий, начала выравниваться. Может, я и неудачник, но чертовски везучий неудачник! И этим надо пользоваться: впредь верить, что всё получится, будет хорошо, – и всё действительно будет хорошо.

Я верю.

Пожалуй, впервые с момента рождения я верю в то, что надо ждать от судьбы милости. Ведь мать всегда учила обратному: сам, сам и только сам! Быть сильным, наглым, пробивным! И конечно, умным. «Учиться, думать, делать» – вот примерный девиз, который она с детства мне прививала. И рассчитывать только на свои силы: «Мир жесток, он вряд ли тебе поможет».

Я и буду рассчитывать только на себя. Но сие не может отнять веру в удачу. Мне повезёт обязательно, но пусть это будет незапланированным приятным сюрпризом. Так, и никак иначе.

Вдруг поймал себя на том, что мои мысли медленно, но верно, раз за разом, возвращаются к принцессе. Не к анализу встречи с нею, а к ней самой. Что я оцениваю её фигуру, волосы... Пупок... Ага, а что ещё там оценивать в наглухо задраенной блузке? Глазки её, динамично подведённые. Вроде скромно, но с выразительностью особы, привыкшей командовать и подавлять. Да, вот такие у неё глазки – пронзительные и хитрые, давящие, хотя издали кажутся наивными. Походка, уверенность...

Да что же это такое?! Что со мной творится?!!

* * *

Я залился румянцем.

«Так, Шимановский, уймись! Она – инфанта! Старшая дочь королевы! Ты – сын парикмахерши из бедного района! Да, немного одарённый, учишься за государственные деньги в солидной школе, но от этого ты не стал НЕсыном парикмахерши! Она даже не узнает тебя при встрече! Её кавалеры – лучшие представители аристократии планеты! Богатые, красивые, влиятельные юноши! Зачем ты ей?

И, кроме того, тот слащавый Себастьян Феррейра, сын самого богатого человека в мире. У них вроде серьёзно. Жёлтая пресса заткнулась насчёт их отношений, а она затыкается лишь тогда, когда у людей всё хорошо и им нечего и не от кого скрывать. Он трахает её, он женится на ней, если она захочет связаться узами брака. Он сильный и умный, будет править собственной финансовой империей, которая в денежном эквиваленте покрупнее некоторых земных государств. А ты – нищий парень с района, русский поляк, сын...»

Я сбился с мысли и почувствовал, что закипаю. И на сей раз рядом нет Толстого, которого можно ненавидеть, вылив на него всю свою злость.

«Что, Хуанито, стыдно? Ну, давай договаривай. Хватит себе врать. Восемнадцать лет ты врешь себе, боясь принять очевидное. То, что БЫЛО и что никто не в силах изменить.

Ты – сын проститутки, которая залетела от клиента».

Я опустил голову и почувствовал, что слёзы готовы брызнуть из глаз. Как же это тяжело – принимать правду, смотреть ей в глаза! Но сделать это необходимо.

Что бы мать ни говорила, как бы ни врал, это ничего не изменит. Ты сам никогда и никому не позволишь произнести это вслух, но факты, документально подтверждённые, зафиксированные в базах данных, – слишком объективный показатель. А значит, дорога в более-менее приличное общество тебе закрыта. Навсегда.

Будь ты трижды гением, трижды везунчиком, но прошлое не изменить. Венера, какой бы свободной и раскованной планетой она ни была, тоже имеет свои неписанные законы. Даже здесь проститутка – это проститутка. Не презируемый член общества, как на Земле, но в высшие круги дороги для неё не существует. Как и её детям.

Поэтому, родной ты мой император, даже если случится нечто невероятное, ты встретишься с ней ещё раз и она в тебя влюбится (что вдвойне невероятно), ты всё равно останешься Хуаном Шимановским, парнем с района, а она – инфантой и будущей королевой. И иначе быть не может.

Самооценка рухнула резко и бескомпромиссно. Но зато появилось ощущение твёрдости, уверенности в себе. Наверное, стоило раньше признать сей факт и смириться, не цепляясь за соломинку неверия и неведения. Да, я буду грызть землю зубами, драть стены когтями, но царапаться и лезть наверх. Просто мой потолок – это мой потолок, и нечего разевать рот на то, что недоступно в принципе. Вот так. Жёстко, зато практично.

Я расслабился, лёг и закрыл глаза. От озера исходил не очень приятный запах, но лучше полежать здесь, наедине, чем терпеть присутствие сотен людей вокруг. Потерплю, не впервой.

Итак, я принял своё происхождение и наметил план действий на ближайшие годы. Не прозябать в нищете, а добиваться успеха. Больше никакой хандры, никакого нытья, никакой раскрытой не по делу «варежки». Плевать на уродов типа Толстого: я – это я, а они – это они. У нас в жизни разные задачи.

Способности у меня есть, везение... Будет. Уважение среди дружков Хуана Карлоса уже заслужил, а там, глядишь, на меня обратят внимание и люди посолиднее.

В общем, не надо вешать нос. Не такой уж я неудачник, каким сам себяставляю. Вот только чтобы куда-то лезть, нужно для начала знать, что в мире происходит и кто кого контролирует. Например, элементарные вещи: кто стоит за республиканцами? Какой-то клан, точнее, несколько кланов. Но кто?

Правительство. Там тоже есть люди, «поддерживаемые» определёнными группировками и платящие взаимностью. Кто и кем?

Мрак! И во всём этом мне придётся разбираться, если хочу когда-то кем-то стать. И следить за динамикой, анализировать. Если хочу попасть ценным специалистом в какой-нибудь влиятельный клан, мне придётся знать все тонкости политики и экономического устройства. А я даже не знаю, как выглядят члены королевской семьи! Вот такой я лопух...

Что я вообще знаю о королевской семье? Не так много. Катастрофически «не так много» для человека с амбициями, коим я отныне являюсь. Попробовать тренировать память, оживить, а заодно набросать план действий на грядущую неделю?

Я поднялся, отряхнулся и сел на край торчащей плиты. Внутри закипела энергия, ища выход.

Попробую. Для начала схематично разложу по полочкам всё, что знаю, а позже восполню обнаруженные пробелы. Так будет быстрее. И больше никогда не буду попадать в дурацкие ситуации, наподобие произошедшей утром!!!

Итак, королевская семья, её прямая ветвь. Состоит из пяти человек.

Во-первых, сама королева. Сказочница. Вспоминать и говорить про неё нечего, она всегда на виду. Женщина умная и сильная. За её спиной различные фавориты (то бишь любовники), влияющие на политику короны, но она всех умудряется держать под контролем. И народ её любит, хотя и не считает эталоном мудрости.

Действительно, мудрой её не назовешь! Но талант подбирать себе умных помощников, делающих грязную работу, у её величества имеется. А также способность оказывать «знаки внимания» представителям различных кланов, сглаживая их друг с другом и тем самым обеспечивая собственную устойчивость. Нет, королева Лея – неглупая женщина!

Далее, кронпринцесса Алисия, её сестра и правая рука.

Это самая загадочная представительница семейства. Народное прозвище её – Лиса, и дано ей неспроста. Очень опасная сеньора! Хитрая и коварная. И злопамятная. По слухам, конечно. Не дайте Древние мне общаться с ней вживую! С подачи коронованной сестры занимает пост главы департамента безопасности, а это не просто министерство, это – теневая власть государства, невидимый обывателю фронт борьбы с мафией и аристократией. Этот пост она не просто занимает, а уверенно сидит на своём месте. Её на планете боятся все – и знать, и мафия, и... Ну, кто там её ещё должен бояться?

Насколько известно, власть к рукам прибрать она не пыталась, хотя с её возможностями... Кто-нибудь другой попытался бы. Королева ей полностью доверяет, между ними мир и взаимопонимание, к огромной досаде аристократичных ублюдков.

Далее, дети. У Алисии их двое – близняшки лет пяти, мальчик и девочка. Но они маленькие, я про них, кроме их наличия, не знаю ничего, да и относятся они уже к боковой ветви династии, так что близняшек можно опустить.

Дети её величества конечно же главная ветвь, но и о них я знаю мало. В основном слухи из жёлтой прессы.

Младший – принц Эдуардо, разгильдяй и повеса, устраивающий шумные пьянки с друзьями и... девочками нетяжелого поведения в самых экзотических местах планеты. Типа шахт пусковых ракетных систем орбитальной защиты. Ага, был такой скандал, года полтора

назад. Военные закатили истерику, найдя во вроде бы законсервированной шахте компанию пьяных любителей «ракетных технологий» с принцем во главе и кучей голых девок в качестве бонуса. Его изображение я как-то видел, при встрече, может быть, даже смогу узнать, если повезёт. В отличие от его сестёр.

Сёстры. Их две. Средняя – принцесса Изабелла. Про неё тоже ходят различные пикантные слухи, что она любит погулять и потрахаться со всеми подряд, без разбора. Как с мальчиками, так и девочками. Её новые романы с представительницами её же пола таблоиды обсуждают довольно часто и со вкусом, но, поскольку мне эта тема побоку, я никогда на них не заикливался. Да и Венера – не та планета, где кого-то можно удивить нетрадиционными вкусами.

Ещё говорят, что она тупая как пробка и обожает групповуху. Про последнее, скорее всего, правда – чем ещё заниматься девочке, у которой есть всё и которой в плане наследования престола не светит ничего? Взять для сравнения «банду» Долорес – девочки озабочены тем же самым, поиском приключений на переднее место, почему принцесса должна стать исключением?

А насчёт первого... Если ты принц или принцесса крови – ты обречён/обречена награждаться подобными эпитетами. Просто в силу происхождения.

И наконец, инфанта. Эта малышка серьёзнее, чем сестра, но оно и понятно. Её изначально готовили к тому, что она станет правительницей огромной державы. Воспитывали соответствующим образом, прививали чувство ответственности. В пьянках и гулянках, наподобие тех, что устраивают брат и сестра, участвует редко и скромно. Жёлтая пресса про неё пишет мало. Эта фифочка больше занята политикой. Точнее, не политикой, а политическим пиаром. Я не слышал, чтобы она продвигала какие-то законопроекты, серьёзно работала в различных комиссиях, управляла чем-то, зато постоянно всплывают её проделки типа сегодняшней, где она выступает доброй умной девочкой, которую нужно любить и поддерживать. Короче, популистка.

Словом, объективно она не самая умная королева, которую планета получит в своё время. И если её мать хотя бы что-то делает сама, носится с законами, указами, проектами, то вместо Фрейи страной править будет такой же счастливчик, как граф Козлов, удовлетворяющий её в постели.

Что ж, таковы правила игры. Женщины на Венере царствуют, но никогда не обходятся без сильных мужчин за спиной – за сто лет мы к этому привыкли. К тому же клан Феррейра находится в стане правящей планетой группировки УЖЕ СЕЙЧАС, а значит, в случае воцарения Фрейи при наличии Себастьяна рядом передела власти в стране не случится, а это многих устраивает. Что тоже немаловажно.

Феррейра. Я вспомнил слащавую улыбочку «сына Аполлона». Мерзкий тип! Но это не значит, что стране под его пятой будет плохо, иногда государства живут хорошо и при плохих правителях. Но дорогу ему, его отцу или кому-нибудь из их клана лучше не переходить. Позиции этой семьи настолько сильны, а богатство настолько огромно, что их фамилия уже давно стала нарицательной. «Богат, как Феррейра» – синоним древнего «Богат, как Крёз». Но кто такой Крёз – теперь мало кто имеет представление, а кто такой Железный Октавио – знают все.

К тому же лучшая подруга инфанты – упомянутая мной Сильвия (кстати, самая богатая невеста планеты), а это ещё больше поднимает их акции. Говорят, старшая сестра не далеко ушла от младшей в плане традиционности ориентации, и с юной герцогиней Феррейрой её связывает не только дружба...

...Не берусь судить, дыма без огня не бывает, но, в отличие от Изабеллы, внятных доказательств «розовой» любви Фрейи ни одно СМИ до сих пор не предоставило.

Ну и самое интересное в принцессе – это её имя. Фрейя, маленькая богиня любви древних викингов.

В семье Веласкес существует одна дурацкая традиция, идущая от самой Алисии Мануэлы, первой представительницы имперской королевской фамилии, переселившейся на Венеру ещё в бытность её колонией. Заключается она в том, что в каждом поколении этой буйной семейки есть один человек с... хм... нетрадиционным именем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.